

Евгений Морозов

Евгений Морозов

Техноненависть:
как интернет отучил
нас думать

Москва
2014

УДК 32.019.51

ББК 60.5

М 80

Морозов, Евгений

М 80 Техноненависть: как интернет отучил нас думать / Пер. с англ. — В. Гончарук [сб. статей]. — М.: Common place, 2014. — 116с. ISBN 978-99970-0111-5

Евгений Морозов – белорусско-американский публицист, один из ведущих критиков технологических инноваций (распространение интернета, гаджеты, соцсети и т.п.). Автор множества статей в ведущих американских изданиях, а также нашумевших книг «Сеть как иллюзия: темная сторона свободного интернета» и «Кликни сюда, чтобы все сохранить». По мнению Морозова, мы склонны недооценивать обратную сторону интернета и новых технологий – то, что кажется решением проблемы, на деле может оказаться новой проблемой, еще более сложной. Это первая книга Евгения Морозова на русском языке, отобранные для нее статьи публикуются с любезного разрешения автора.

УДК 32.019.51

ББК 60.5

ISBN 978-99970-0111-5

Публикуется под лицензией Creative Commons

Разрешается любое некоммерческое воспроизведение со ссылкой на источник

Содержание

Владислав Гончарук От переводчика	7
Евгений Морозов Техноненависть: как интернет отучил нас думать	
О дивный совершенный мир	12
Скованные одной целью	22
Робот отобрал у меня «Пулитцера»	27
Прямо по кривой	34
Форточка в душу	40
Народное счастье в закромах секретных служб	46

Три мгновения технотеневности: Кремниевая долина против прогресса	52
С плотно открытыми глазами	73
Тень теневиков «Матрицы»	78
Реквием по киберпанку	83
Бегущие по лезвию технологий	92
Дмитрий Ракин Зачем читать эту книгу	99
Интернета не существует	104
Список статей с указанием места и даты первой публикации	111

Владислав Гончарук

От переводчика

«Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» — просит главный герой в конце романа «Пикник на обочине», когда, истерзанный ловушками «Зоны» и смертельно уставший, он добивается до шара, исполняющего только сокровенное желание. Но книга перед вами не о волшебстве или взеземных технологиях. Это книга о «мясорубке», через которую нас ведут мечты. И мечты эти если не о счастье, то по крайней мере о совершенном комфорте, о котором неустанно нашептывают технологические демиурги нашего времени.

Евгений Морозов, один из ведущих в США технокритиков, невольно бросает вызов гигантским корпорациям Кремниевой долины, продвигающим идеологию «презумпции технологической святости», согласно которой любые новые технологии — априори добро, а если на этот счет есть какие-то сомнения, то вы, очевидно, враг прогресса.

Морозов слишком рационален, чтобы размахивать шашкой в революционном запале. Он не читает проповедей перед людьми, одурманенными сладостными речами Кремниевой долины о прогрессе и технологических новинках, приближающих нашу жизнь к совершенному устройству. Отнюдь, Морозов расчетливо,

как сталкер, бросает перед читателем гайки и предлагает самостоятельно заглядывать на шаг вперед.

Морозов — интеллектуал редкого склада: знает столько, что это позволяет ему невзначай рассыпать полезную информацию и увлекательно делиться ценными наблюдениями. Когда читаешь его, то не удивляешься, как выходец из Белоруссии покорил американскую аудиторию и был принят снобами интеллектуальной элиты хай-тека.

На русском Морозов выходит впервые, хотя англоязычному читателю он хорошо знаком по двум книгам, поскольку обе стали в США событиями: «Сеть как иллюзия: темная сторона свободного интернета» (*The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*) и «Кликни сюда, чтобы спасти все» (*To Save Everything, Click Here*). В них Морозов деликатно и остроумно развенчивает два мифа, которые сейчас определяют мировоззрения тех людей, от кого зависит развитие и появление новых технологий в сфере интернета и электроники. Оказывается, что интернет не дарует свободы и демократии: социальные сети и другие сетевые инструменты вовсе не помогают протестным или любым независимым, общественным и политическим движениям, а только создают сложную систему новых ловушек. Выясняется, что господствующая идеология солюционизма, когда кажется, что достаточно придумать технологическое решение, и проблема будет устранена, только усугубляет многие политические и социальные болезни.

Обо всем этом Морозов пишет так же остроумно и деликатно в своих статьях для таких изданий, как

От переводчика

Financial Times, Wall Street Journal, New York Times, Foreign Policy, Newsweek, Economist. Самые интересные и острые публикации вы найдете в этом сборнике.

Евгений Морозов

Техноненависть:
как интернет отучил
нас думать

О дивный совершенный мир

«Кровь и сердце холодны, вашим твитам хоть бы хны» — таким обнадеживающим лозунгом встречает посетителей сайт *LivesOn*, который обещает твитить от имени пользователя даже после его кончины. Сервис подробно изучает предыдущие записи аккаунта и, принимая во внимание «все предпочтения, вкусы и даже манеру письма» человека, старается добавить авторской индивидуальности к каждой весточке из другого мира.

На деле, правда, подписчики рискуют получить вместо любимого и некогда живого твиттер-летописца жалкое механическое подобие. Впрочем, сервис может потерпеть провал и по другим причинам, но его основная идея отражает главное в мировоззрении сегодняшней Кремниевой долины: нет ничего невозможного — даже смерть нам не помеха.

Любые препятствия и ограничения — все, что стесняет человека в его возможностях, уничтожается с подчеркнутым удовольствием. Из той же оперы загадочный проект под названием «Супермен» — он еще на стадии разработки, но уже вполне мог бы сойти за анекдот. Основатели, не вдаваясь

в подробности, обещают создать «сервис, который поможет стать суперменом». Спасибо и на том, что не впутали сюда «сверхчеловека».

Недавние споры о твиттер-революциях и влиянии интернета на познавательные способности человека затмили очевидный факт: гуру-технофилы и футурологи Кремниевой долины уже выдвинулись в крестовый поход против неприятных багов человеческой природы в надежде найти целительный патч. Если они будут придерживаться того же пути, то ни один человеческий порок не останется без внимания. Поход может завершиться тем, что технологии превратят человеческое несовершенство в пережиток прошлого.

Даже скука, кажется, доживает последние дни. Вот и японские дизайнеры придумали, как сделать путешествие в поездах и электричках приятным развлечением. С помощью смартфона, проектора, модуля *GPS* и датчиков движения *Microsoft Kinect*, пассажиры могут поместить в мелькающий за окном пейзаж любой предмет, какой только вздумается, и в несколько касаний оживить унылую картину за бортом. Можно не сомневаться, эти волшебные аппараты разлетелись бы в Северной Корее как горячие пирожки, и не только для железнодорожных путешествий.

Если же вам иногда отказывает память, то зштейники из Кремниевой долины предлагают предложение, с которым вы будете помнить все. Другая программа, оказавшись она в руках собеседника, выведет вас на чистую воду, стоит только начать увиливать и привирать в надежде избежать какого-

либо неприятного обязательства. Еще одно приложение убережет от случайной встречи с людьми, которых вам хотелось бы видеть в последнюю очередь. Наша жизнь видится солнечной, гладкой, приятной — это как мчаться по калифорнийскому шоссе, передав бразды правления Кремниевой долине.

Недавно Рэнди Цукерберг, бывший директор по маркетингу *Facebook*, пришел в восторг от одного модного приложения-советчика. Не знаете, какое принять решение по какому бы то ни было вопросу? Народ подскажет! *Seesaw* позволяет в любой момент устроить опрос среди друзей: во что нарядиться на свадьбу, что выбрать из меню в ресторане и даже за кого проголосовать на выборах (почему бы и нет?).

Seesaw переворачивает привычные представления о признании и критике окружающих. Прежде, чтобы удивить друзей, мы покупали какую-то вещь без их ведома, сознавая, что она вполне может не прийтись им по душе. Отныне эта логика выворачивается наизнанку: мы выбираем то, что одобряют друзья. Опасность неудачной покупки почти исключается, ведь мы заранее знаем, на сколько «лайков» потянет тот или иной выбор.

Философ-экзистенциалист Жан-Поль Сартр, который считал сложности выбора признаком личной ответственности, не прижился бы в Кремниевой долине. Собственный выбор, принятие самостоятельных решений играют огромную роль в становлении человека, но простыми они не бывают. Кремниевая долина же, выбирая между челове-

ческой зрелостью и беззаботностью, останавливается на последнем. Кто знает, может, это тоже результат какого-нибудь опроса.

Единственное исключение здесь — когда страдания или горькие переживания необходимо испытать лично, чтобы понять, насколько ты честен и искренен перед собой.

Возьмем «умные» очки компании *Google*. Они могут автоматически фотографировать любую картину, которая открывается перед нашими глазами, и сохранить это на века. Кому-то приспособление очень пригодится, поскольку отныне можно не бояться забыть что-либо. Это ведь воплощение давнего и страстного желания не одного поколения технофилов. Некоторые даже пытались сами смастерить нечто подобное: собирали крошечные, размером с почтовую марку, фотокамеры, крепили к пиджаку или свитеру, и снимки делались автоматически через заданные промежутки времени. В кадр попадало все, что встречалось на пути.

Мечты о торжестве над слабостью человеческой памяти оживились с выходом в 2009 году смелой книги, написанной провидцем из *Microsoft* Гордоном Беллом в соавторстве с Джимом Геммелем — «Вспомнить все: как революция электронной памяти изменит мир» (*Total Recall: How the E-Memory Revolution Will Change Everything.*)

Белл считает, что новые технологии записи свергнут нас в состояние «особого прозрения, позволят восстанавливать историю жизни человека с прустинской подробностью, дадут возможность не запоминать, но придумывать» (слово

«прустианский» употреблено здесь неточно: Пруст на самом деле боролся с «простым кинематографическим видением», которое, на его взгляд, представляет память исключительно как инструмент накопления данных, в сравнении со сложным взаимодействием чувственного восприятия и повествования).

По мнению автора, все эти непрерывно работающие устройства записи приструнят нас, заставят остерегаться промахов, небрежности, лукавства — всего того, к чему мы настолько привыкли, что в повседневной жизни иногда и вовсе не замечаем. «Честного человека никакая запись не должна смутить, — говорит Белл. — Зато вы только представьте, что с вас стянули розовые очки и вся правда теперь на виду: сколько времени вы на самом деле проводите с детьми, как вы иногда бываете грубы в разговоре». Вот такой электронный доктор Фрейд.

В теории это звучит прекрасно, но в реальном мире чаяния Белла относительно человеческой сознательности могут привести к тирании. Польский философ Лешек Колаковский в своем блестящем эссе «Во славу непоследовательности», опубликованном в журнале *Dissent* в 1964 году, утверждает, что в условиях выбора из равнозначных вариантов, когда мучительные этические рассуждения считаются в порядке вещей, непоследовательность — единственная возможность не превратиться в доктринера, слепо следующего только алгоритмам. По Колаковскому, абсолютная последовательность и приверженность правилам ничем не отличаются от фанатичности.

«Нерешительность и слабость... тех, кто... верит в необходимость говорить правду, но вместо того, чтобы обозвать картины прославленного художника мазней, предпочтут сделать сдержанный комплимент, — их непоследовательность остается одной из главных надежд на выживание человеческого рода», — пишет Колаковский.

Однако «умным» очкам по силам намного больше! Почему бы не подправить пейзаж на пути от дома до работы? В 2012 году футуролог Айша Кханна даже описала «умные» контактные линзы, которые ретушируют бомжей с глаз долой, чем «расширяют возможности нашего базового чувства — зрения» и, без сомнений, делают жизнь беззаботнее. В некотором смысле устройство решало бы проблему бездомности, за исключением случая, когда его обладатель сам был бы выброшен на улицу. Но и тогда ребята из Кремниевой долины придумают подходящие очки по столь же раздутой цене, а те в свою очередь превратят улицу в дом родной. Как говорилось в одной рекламе сверхсовременных телевизоров: «Реальность. Какое разочарование».

Для Кремниевой долины все эти старания облегчить тяготы существования могут казаться ответом рая на земле. Нам же, всем остальным, самое время готовиться к адскому пламени. Эти попытки основываются на вирусной и опасной идеологии, которую я называю «солюционизмом» — это интеллектуальная патология, заставляющая любую проблему рассматривать исключительно в одном свете: можно ли ее взять и решить, просто используя имеющиеся технологии. Таким образом

забывчивость и непоследовательность становятся простыми «проблемами», поскольку в нашем распоряжении есть инструменты для их решения, а не потому, что мы подвергли тщательной рефлексии все их достоинства и недостатки.

Сторонники «солюционизма» ни в чем себя не ограничивают, берясь искоренить человеческие изъяны, впрочем, они не менее усердны и по отношению к общественным институтам. Граждански ориентированные проекты в духе *Ruck.us* (помогает простым людям присоединяться к политическим движениям и создавать их) стремятся вырваться из рамок традиционной партийной системы и позволяют людям заниматься политикой напрямую, без посредников. Создатели исходят из идеи, что единственная причина, по которой нам в прошлом нужна была представительная демократия, заключалась исключительно в издержках коммуникации между разными участниками политического процесса. Теперь же информационные технологии существенно снизили эти издержки, и политические партии в их традиционной форме можно списывать в утиль, заменив их куда более уместными при новых возможностях онлайн-группами активных граждан.

Трудно защищать нынешнее политическое устройство США, но еще сложнее встать под знамена «солюционизма», и на то есть простая причина: предлагаемую интернет-концепцию мы должны «купить» не за ее неоспоримые преимущества (о них мы почти ничего не слышим), а из-за недостатков существующей системы, так что или следуй за нами, или прозябай. Надо признать,

нынешняя политическая система полна изъянов, но возможно, это цена пусть хромой, но все же демократии. Есть же, в конце концов, у нее свои немногочисленные сторонники даже в Северной Корее. Так что одна из труднейших задач нашего времени — научиться принимать несовершенства общественных институтов и людей, имея перед глазами столь многочисленные, манящие и, кажется, все исправляющие технологии.

Приверженцы «солюционизма» оказываются во власти заблуждений, проглатывая проблемы, но не углубляясь в них. С виртуальной волшебной палочкой у них на все один ответ — создать приложение. С такой установкой все сложнее замечать, что не все проблемы сводятся к конкретным задачам, а серьезные и признанные проблемы иногда могут быть решены только в результате длительной и фундаментальной работы. И тут бесполезно технологическое латание на скорую руку — мозговые штурмы по образу «хакатонов»* или вирусные видеоролики, бичующие разные пороки.

Компании Кремниевой долины любят носиться со знаменем «солюционизма». Самые успешные заявляют о себе, как о *Greenpeace* или *Human Rights Watch* виртуального мира. Не *Wal-Mart* или *Exxon Mobil*. «В будущем, — говорит исполнительный директор *Google* Эрик Шмидт, — люди будут тратить

* «Хакатоны» — интеллектуальные марафоны, на которых специалисты, связанные с разработкой того или иного вида программного обеспечения, решают поставленные организаторами задачи. «Хакатоны» могут длиться от одного дня до недели.

меньше времени на воплощение технологических задумок... Если все пойдет по плану, я уверен, мы сумеем решить все мировые проблемы».

С ним сходится во мнении основатель *Facebook* Марк Цукерберг: «Перед миром стоит много сложных проблем, и все они нуждаются в решении. И как компания мы стараемся создать такие условия, в которых можно придумывать решения». Также в письме к потенциальным инвесторам Цукерберг замечает: «Мы не просыпаемся утром с мыслью о том, как заработать денег».

Такие человеколюбивые цели работают как на благоприятный образ компании, так и на теплую рабочую атмосферу. В конце концов, ради спасения мира, наверное, стоит пожертвовать правом на приватность, и высокая миссия длиной не в одну жизнь убедит юных сотрудников-идеалистов, что они не просто растрачиваются, уводя доверчивых потребителей в дебри интернет-рекламы бессмысленных товаров. Компании Кремниевой долины и Уолл-Стрит борются за одни и те же таланты, но первые, провозглашая своей целью решение мировых проблем, обещают молодым людям то, что финансовый мир предложить не в состоянии — ощущение общезначимой миссии.

Идеология «солюционизма» тем самым помогает Кремниевой долине беречь лицо. Издания, посвященные информационным технологиям, вместе с фокусниками знаменитых конференций *TED* только рады раззадоривать приверженцев «солюционизма». «Африка? Вот вам приложение» — гласит заголовок серьезной (!) публикации на сайте

британской версии журнала *Wired*. Ребята, а можно эту программку одолжить Мировому банку?

Дивное дело, но идея спасения мира ведет адептов Кремниевой долины к сервисам ее же компаний. В 2009 году Цукерберг бросил клич: «Мир станет лучше, если вы будете больше обмениваться информацией в сети». И отчего бы не поверить в его искренность?

Всякий раз, как *IT*-компании заявляют, что наш несовершенный мир нужно исправить, первым делом следует спросить: а откуда мы знаем, что мир несовершенен именно так, как это видит Кремниевая долина? Что если разработчики ошибаются, и неудовлетворенность, непоследовательность, забывчивость и, возможно, даже верность предубеждениям — это те особенности, которые позволяют нам быть теми сложными социальными существами, которыми мы и являемся?

«Я бы хотел, чтобы все инженеры осознали, что для настоящего инженера мало просто быть инженером», — писал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в 1939 году. Учитывая культурное и политическое влияние Кремниевой долины — от образования до публицистики и от музыки до логистики — к этому совету чрезвычайно важно прислушаться. Спросите сами у друзей через *Seesaw*.

Скованные одной целью

Тюрьмы — эти оплоты порядка и традиций — наконец созрели для революции. К такому радужному заключению пришли авторы весьма провокационного исследования «По ту сторону колючей проволоки».

Участвующие в нем специалисты по менеджменту из консалтинговой компании *Deloitte* пишут: «Представьте виртуальную исправительную систему, которая основана на усовершенствованных методах моделирования рисков, геопространственном анализе, телекоммуникационных технологиях и принципах, выработанных на базе исследований человеческого поведения, — и все вместе работает на достижение предельной эффективности системы».

Речь идет о том, чтобы позволить осужденным отбывать срок дома, тем самым решая проблему перенаселенности тюрем и экономя на растущих в геометрической прогрессии расходах на их содержание. Благодаря всемогущим смартфонам заключенные будут находиться под постоянным надзором смотрителей, которые смогут следить в режиме реального времени за всем, что делает арестант. Добро пожаловать в Паноптикон* для диванных «овощей».

* Паноптикон — проект идеальной тюрьмы социолога и юриста XIX века Иеремии Бентама. По задумке

Предложение экспертов держится на излюбленном трюке Кремниевой долины — так называемой «игрофикации». Этот подход предполагает, что вовлеченные в систему арестанты будут вознаграждаться очками за точное соблюдение распорядка дня или границ отведенной зоны. «Когда заключенный набирает достаточное количество баллов, он получает уже практическую выгоду, например, некоторое расширение зоны заключения или послабления в режиме дня», — поясняют эксперты.

Итак, мы уже дошли до того, что смартфоны позволят посадить за решетку вдвое больше людей за полцены. От этого в восторг могут прийти разве что консультанты по менеджменту и продавцы электроники. Честно говоря, можно было бы и порадоваться такому прорыву, если бы он не уводил нас в сторону от более существенного (и простого) решения проблемы перенаселенности тюрем: посадить меньше людей.

Порой «умные» технологии не только разрушительны, но еще и наделены воинствующим консерватизмом. В теории — революционные, на практике — реакционные.

Вспомните недавнюю поголовную одержимость «самослежением»: начиная с того, что и сколько мы едим, заканчивая учетом расхода электричества. Отследить можно все, и не в последнюю очередь потому, что гаджеты напичканы

мыслителя, невидимый для заключенных стражник в одиночку мог бы следить за всеми заключенными одновременно.

различными датчиками. Сейчас такое самонаблюдение практикуют энтузиасты из числа обычных людей. Но не за горами тот час, когда и государства начнут присматриваться к этой технологии для решения задач, которые могут и, вероятно, должны решаться как-то иначе.

Вы едите недостаточно овощей и фруктов? Тогда верный смартфон забьет тревогу. И неважно, что их не найти в округе, да и подобный рацион вам не по карману.

Перекладывая груз ответственности с государства на плечи граждан, «самослежение» может помочь нам стать лучше в рамках существующей системы ограничений. Но что по-настоящему необходимо, так это изменить саму систему и, возможно, просто избавиться от многих ограничений.

В эпоху массового «самослежения» не стоит забывать и о больших целях, наподобие усовершенствования пищевой промышленности и создания условий для обеспечения питанием голодающих.

Наличие инструментов, позволяющих ограничить человеческое страдание, не снимает с нас ответственности за искоренение его первопричины.

Возьмем для примера «Хромарому» (*Chromatoma*). Это популярная лондонская игра с электронным проездным. Обычные поездки в общественном транспорте превращаются в развлечение: за посещение разных станций начисляются соответствующие очки. Как писала газета *Guardian*: «Эта игра — долгожданный переворот в сфере общественного транспорта Лондона». Но так ли это на самом деле? Писатель Стивен Пул, например, считает, что

«долгожданным переворотом стало бы улучшение качества инфраструктуры: чтобы подземка не закрывалась на выходные, а в вагон помещалось больше 17 человек».

Многие новомодные технологии могут не только помешать назревшим реформам, но, как ни странно, обострить социальную несправедливость. Взглянем хотя бы на воодушевление в связи с развитием так называемых «больших данных» — ряда технологий, позволяющих делать действительно впечатляющие открытия, основываясь только на анализе взаимосвязей между разными данными. Если верить одной недавно вышедшей книге на эту тему, когда мы в полной мере овладеем «большими данными», «обществу придется забыть о былой страсти к выяснению причинно-следственных связей, потому что тогда важно будет уже не почему, а что».

Но ведь если браться за проблему, занимаясь лишь поисками таких «корреляций», то набор решений у нее будет неопределенно пространственным. А стоит только изучить проблему во всей полноте и выявить корень зла, как возможное решение получит ясные и четкие очертания.

Полезно, конечно, знать, что большинство преступлений в каком-нибудь округе совершается людьми с похожими онлайн-предпочтениями. Но это не означает, что теперь нужно подозревать всякого с подобным вкусом, особенно когда он обусловлен социальным положением, цветом кожи или полом. Если преступность вызвана экономическим неравенством или расовой дискриминацией, то нужно заниматься именно этими проблемами, а не

выискивать потенциальных преступников, которые подходят под заданное описание.

Умные технологии, которые сейчас повсеместны и легкодоступны, предлагают самое простое решение — устранить изъян. Но часто разговоры, поддерживающие эту идею, скрывают глубинный консерватизм. Технологический прорыв не гарантирует политических нововведений, а временами и препятствует им. Нам ни в коем случае нельзя замыкаться на новых технологиях. Или растянем «игрофикацию» до самой смерти?

Робот отобрал у меня «Пулитцера»

Может ли технология жить сама по себе? Может ли она стать независимой от человеческой воли? У этой идеи было много сторонников: от французского теолога Жака Эллюля до Унабомбера*. В наши дни большинство историков и социологов технологий ее похоронили, считая наивной и вдобавок ошибочной.

Это не мешает автоматической биржевой торговле все больше подчинять себе мир современных финансов. Изогранные компьютерные алгоритмы отслеживают незаметные для простых смертных колебания цен и играют на этом.

Между тем одно из самых уважаемых изданий в финансовой журналистике *Forbes* нанимает

* Теодор Качинский — американский математик, анархист и, как Жак Эллюль, сторонник неолуддизма, течения в современной философии и культуре, выступающего с критикой научно-технического прогресса. Получил прозвище Унабомбер после того, как устроил массовую рассылку почтой самодельных бомб. Жертвами стали инженеры и другие представители прикладных наук. Отбывает пожизненный срок в тюрьме особо строгого режима в Колорадо.

компанию *Narrative Science* для установки системы, автоматически генерирующей статьи с прогнозами о предстоящих финансовых сводках. Стоит только предоставить умной программе статистические данные, как за считанные секунды она выдаст вполне осмысленный текст. Или же, как это представляют в *Forbes*: «*Narrative Science*, благодаря искусственному интеллекту собственной разработки, превращает массив необработанных данных в содержательные тексты».

Здесь скрыта ирония. Машины составляют новости о компаниях, которые зарабатывают деньги с помощью других машин, торгующих ценными бумагами. Эти сводки в конечном счете возвращаются в финансовую систему, помогая алгоритмам находить еще более выгодные сделки. В сущности, это журналистика роботов для роботов. Радует только, что все доходы достаются людям.

Narrative Science — лишь одна из компаний, создающих роботов-журналистов. Такие проекты, как правило, занимают узкие тематические ниши (спорт, финансы, недвижимость), в которых новостные сообщения составляются по единой схеме и вращаются вокруг статистических выкладок. А теперь эти компании осваивают политическую тематику. Новая система от *Narrative Science* составляет статьи о том, как предвыборная гонка освещается в социальных сетях, какие темы и кандидаты самые обсуждаемые, какие — наименее, все это с разбивкой по конкретным штатам и регионам и т.п. Программа даже умеет в текст статьи

вставлять цитаты из самых популярных и интересных постов. Никто так не понимает соцсети, как роботы.

Понятно, почему клиенты *Narrative Science*, а их у компании около 30, считают такие системы полезными. Прежде всего, роботы намного дешевле, чем нанятые на полную ставку журналисты. К тому же люди иногда заболевают и постоянно требуют к себе уважения. В сентябре 2012 года *New York Times* писала, что один из клиентов *Narrative Science* платит меньше 10 долларов за статью объемом в 500 слов и рад отсутствию стенаний о бесчеловечных условиях работы. А статья-то готовится всего несколько секунд. Даже Кристофер Хитченс* не уложился бы в такие сроки. Более того, разработчики уверяют, что их роботы пишут содержательнее и объективнее, чем любой репортер из плоти и крови. Не каждому журналисту по силам отыскать, просмотреть, проанализировать миллионы записей в соцсетях, а машины справляются с этим мгновенно и без особого труда. Они не просто раскладывают по полочкам путаную статистику, но также пытаются понять, что стоит за всеми этими цифрами, и делятся своими соображениями с читателем. Смогли бы роботы развенчать Уотергейтский скандал? Вряд ли. Но ведь для большинства новостей и журналистских материалов и не требуется таких навыков.

* Кристофер Хитченс (1949-2011) — популярный и плодовитый американский публицист, известный своими либеральными выступлениями и антирелигиозной критикой.

Основатели *Narrative Science* утверждают, что они хотят помочь журналистике, но ни в коем случае не уничтожить ее. И весьма вероятно, что они искренни. Журналисты могут их возненавидеть, но некоторые издатели, вечно переживающие из-за авторских гонораров, приняли бы разработчиков с распростертыми объятиями. Впрочем, в более отдаленной перспективе последствия использования подобных технологий, которые сейчас только зарождаются, могут быть для нас куда серьезнее.

В развитии современного интернета одну тенденцию можно выделить совершенно отчетливо. Это движение к тотальной персонификации в онлайн-пространстве. Все ссылки, по которым мы переходим, все, что мы читаем, ищем, смотрим — постепенно становится результатом незаметного для невооруженного глаза «подстраивания». Наши «клики», поисковые запросы, «лайки», онлайн-покупки определяют появляющийся в окне браузера дальнейший контент.

До последнего времени многие критики интернета опасались, что такая персонификация «замкнет» каждого в собственном кругу интересов, не позволяя вырваться из «зоны комфорта». Соцсети с их нескончаемым потоком постов и комментариев сделали некоторые из этих опасений весьма обоснованными. Но расцвет «самопишущих журналистских машин» может породить качественно новую проблему, которая будет не по плечу даже самым совершенным механизмам исследования социальных сетей: что если одна и та же ссылка будет приводить людей к разным текстам?

Как это выглядит? Допустим, у меня есть научная степень и я уйму времени трачу, изучая публикации *Economist* и *New York Times*. В итоге на тот же самый запрос мне предлагается более глубокий, многосторонний и информативный материал, чем моему соседу, который на досуге листает *USA Today*. Если предположить, что помимо прочего я интересуюсь зарубежными новостями и международным правом, то сгенерированная компьютером статья об Анджелине Джоли, по всей видимости, будет описывать ее фильм о войне в Боснии. Мой сосед, обожающий читать о жизни знаменитостей, по такому же поисковому запросу получит материалчик с бестолковыми слухами и ерундовыми подробностями о Брэде Питте.

«Машинная журналистика» мгновенно предлагает такие публикации, которые подстраиваются под каждого отдельного читателя в соответствии с его интересами и интеллектуальным уровнем. И это основание для серьезного беспокойства. Рекламодатели и издатели обожают точность в маркетинговой «стрельбе» по потребителю, с помощью которой можно подольше удерживать его внимание. Но чем это оборачивается для общества, не вполне понятно. В конце концов, есть угроза того, что люди, поглощая одни информационные объедки и не догадываясь об интеллектуальной разнообразии, попадут в ловушку однородных новостей. А коммунальная сущность социальных медиа обеспечит им ложные уверенность и спокойствие. Естественно, этим тут же

могут воспользоваться столь ненавидимые многими контент-фермы*, как *Demand Media*.

А что будет, если на рынок «машинной журналистики» выйдут гиганты и сметут таких мелких игроков, как *Narrative Science*? Тот же *Amazon*. Их электронная книга *Kindle* позволяет пользователю справляться в электронном словаре о незнакомом слове и отмечать понравившиеся места в тексте. «Читалка» между тем собирает информацию о таких телодвижениях пользователя и отправляет данные на серверы компании. Эти сведения пригодятся, если (или лучше сказать — когда) *Amazon* будет вводить уникальные автоматически генерируемые новостные ленты для каждого конкретного пользователя. Они ведь уже знают мои любимые газеты, новости, которые могут меня заинтересовать, какие фразы или мысли мне по душе, какие слова озадачивают.

Или, например, *Google*. Им уже известно о моих пристрастиях в интернет-пространстве больше, чем кому-либо другому, особенно с введением единой политики пользовательской безопасности для всех сервисов компании. Мало того, они ведь

* Контент-фермами называют интернет-компании с бизнес-моделью, основанной на массовом производстве публикаций за счет труда добровольцев или вольнонаемных авторов. Компания *Demand Media* — одна из первых и самых знаменитых на этом рынке — основана в 1999 году и с тех пор развивает популярный сайт советов *eNow*. Главная претензия к нему — обилие материалов низкого качества. Долгое время на сайте поощрялись авторы не самых качественных публикаций, а чаще просматриваемых.

Робот отобрал у меня «Пулитцера»

сделали *Google News*, многосложный новостной агрегатор, который предлагает к вниманию читателя превосходно осмысленную картину последних событий. А чрезвычайно популярный онлайн-переводчик *Google Translate* научил его разбирать отдельные предложения.

Достаточно просто свести воедино все представленные выше соображения и наблюдения, чтобы убедиться, что автоматизацией журналистике не поможешь. С другой стороны, хулить ученых, вроде разработчиков из *Narrative Science*, тоже не стоит. В умелых руках их технологии могут прийти ко двору, скажем, если надо затянуть пояса или выкроить для журналистов больше времени (при условии, что их не лишают рабочего места) для более интересных аналитических проектов, чем еженедельное ведение однообразной колонки.

Настоящая опасность кроется в нашем нежелании разбираться в социальных и политических последствиях исчезающего права на анонимное чтение. Эта тенденция явно на руку рекламодателям вместе с гигантами *Google*, *Facebook* и *Amazon*. Но именно она и создает мир, в котором критическое, творческое и неординарное мышление все сложнее культивировать и беречь.

Прямо по кривой

Задолго до того, как технология спутникового позиционирования взяла под уздцы нас и наши автомобили, задолго до этого назидательного «Расчет нового маршрута...» в случае неверного поворота, критики культуры жаловались на развращающий эффект навигационных технологий. На орехи досталось обычным картам и различным механическим приспособлениям для ориентирования на местности. Некоторые мыслители, вроде философа-марксиста Герберта Маркузе, видели в автомобильных картах воплощение антигуманистической и предельной рациональности современности. «Автомобилист, путешествующий на большие расстояния, выбирает маршрут по дорожному атласу... Головой за него поработали другие», — сетовал Маркузе в 1941 году. Иные же полагали, что карты, дорожные знаки и обозначения притупляют наше ощущение пространства. Французский неомарксист Анри Лефевр с горечью замечал, что водитель «понимает лишь свой маршрут, материализованный, механизированный, техницистский, смотрит на свой путь узко, с единственным вопросом — насколько ему удобно».

Маркузе в отчаянии опустил руки из-за «невозможности скрыться от прибора, который подвел

под одну схему весь мир». А вот Тристан Гули не столь пессимистичен. На своем сайте он называет себя «единственным из живущих ныне людей, кто и перелетел, и переплыл Атлантику в одиночку». В своей весьма поэтичной книге «Непринужденный штурман» (*Natural Navigator*) он доказывает, что после появления компаса, карт и даже систем спутникового позиционирования тоже можно жить. Говоря точнее, можно сохранить ту жизнь, которая была до всех этих приспособлений. Она состоит в пристальном взглядывании в окружающий мир, поисках в нем ориентиров, «чтении» облаков, морских течений, следов ветра на снегу — все это достойно изучения и отстаивания.

Гули дает подробные наставления о том, как жить и странствовать в естественных условиях, подкрепляя их схемами с описанием различных моделей ветра и морских приливов. Знаете ли вы, что на солнечной стороне дерева больше горизонтальных веток, поэтому в северном полушарии более богатая листвой сторона укажет на юг? Даже самая мелкая деталь оказывается удивительно полезной навигационной подсказкой. Иной скептик спросит, зачем нам гадать, где север, а где юг по форме камня или деревьев, когда в кармане смартфон, который легко подскажет, где мы находимся и как добраться в нужное место? Тристан Гули видит тонкое, но принципиальное различие между поиском направления, смысл которого он определяет как «навигация ради выживания», и общим пониманием направления, чему учит его школа «естественной навигации». Гули считает (вопреки

многим тезисам Лефевра), что «знать» направление — значит понимать мир, в котором мы пребываем, и обогащаться от него. Поэтому «намного важнее понимать, почему действуют те или иные механизмы, чем бездумно использовать их».

Таким образом, «естественная навигация» больше походит на оперу или театр, где действие разворачивается вживую. Эти виды искусства даже в эпоху вездесущих и неустанно работающих сервисов, наподобие *Spotify* или *Netflix*^{*}, сохраняют свое очарование и красоту. «Естественная навигация может быть духовным странствием в той же мере, в какой и телесным, что превращает ее в несомненное искусство», — пишет Гулей в своей книге.

Объявить «естественную навигацию» искусством — умный риторический ход. После него рассыпаются многие практические доводы в любом споре. За исключением, пожалуй, историй о том, как *GPS* вводила чересчур доверчивых водителей к обрыву или в реку. В искусстве «естественной навигации» у компьютеров так же мало шансов, как в поэзии. Может, конечно, компьютер подобрать изощренные рифмы, и, вероятно, выйдет лучше, чем у многих поэтов-графоманов, но вряд ли в обозримом будущем нам доведется увидеть, как «яблочный» *Mac Pro* получает Нобелевскую премию по литературе.

* Популярны в США и Европе развлекательные сайты, на которых можно легально слушать музыку и смотреть фильмы и сериалы, транслируемые в потоковом формате, то есть скачивать файл не требуется, достаточно запустить проигрыватель прямо на веб-странице.

К чести Тристана Гули надо заметить, что он не противник научно-технического прогресса. Он даже настаивает на том, что все эти новые средства: системы спутникового позиционирования, смартфоны и прочее, — могут открыть нам глаза на упущенные прежде приметы — подсказки самой природы. А вот о навигации в городских условиях Гули сказать действительно нечего. И здесь современные технологии предлагают неожиданные решения, например, чтобы нарочно «потеряться». Вот хотя бы сервис *GetLostBot*, который собирает с сайтов типа *Foursquare* отметки о местах, где вы побывали. Система подметит, если вы зачистите в каком-нибудь кафе, и предложит изведать незнакомые места. Вся соль в том, что *GetLostBot* ведет вас вслепую, так что место назначения — это всегда сюрприз. Почему бы не устроить то же самое в прогулках или путешествиях на природе, как это любит Гули?

В своей книге он рассказывает о гигантской пропасти между романтическим, детским восторгом поиска неизведанных троп и занудной, прочитываемой в зрелом возрасте специальной литературой, которая лишена малейшего понимания самой сущности природы. Живи Маркузе в наши дни, он наверняка разделил бы тревоги Гули. А тот обнаруживает себя «в мире экранов и бюрократии, расчетов и бесконечных аббревиатур» и замечает, что чем яснее «понимание, что это мир, в который нужно погружаться с головой», тем очевиднее, что «это не тот мир, в котором хочется жить».

Увы, Гули сокрушается не даром. В книге «Наука ориентирования: от навигационных вычислений

до *GPS*» (*The Science of Navigation: From Dead Reckoning to GPS*) Марк Денни пишет об ориентировании так, словно это наука о том, как заколачивать гвозди. С такими неисправимыми романтиками, как Тристан Гули, которые считают, что навигация может и должна признаваться искусством, Денни разделяется всего одной фразой: «Навигацию можно определить как науку (и как искусство) о безопасном и эффективном перемещении из одной точки в другую». После этого автор со спокойной душой принимается заваливать читателя техническими подробностями, описанием навигационных приемов, приспособлений и истории их развития.

Создается ощущение, что каждый абзац книги высечен на камне. Автор постоянно поучает читателя: «Прежде чем начать, я изложу основные сведения о нашей планете». Теперь становятся понятными причитания Гули, не правда ли? В «Науке ориентирования» есть несколько любопытных пассажей. Так Марк Денни берется за историю о «Великом тригонометрическом исследовании», попытке Великобритании в XIX веке составить карту всей Индии. Однако неколебимая уверенность автора в своих гипотезах («в будущем мы продолжим использовать *GPS* для определения местоположения того или иного объекта») и его нежелание хотя бы попытаться увидеть в ориентировании нечто большее, чем просто поиск наиболее оптимального маршрута из точки «А» в точку «Б», серьезно умаляют достоинства книги.

Считать навигацию наукой, может быть, и весьма полезно, но, как напоминает Гули, этот подход

Прямо по кривой

уведет нас от таких изысканных приемов, как «ориентирование по птичьему помету». Это причудливое искусство, плод взаимодействия солнца, дерева и птицы, будет просто недоступно недотепе, который не привык оглядываться по сторонам. Вот и попробуйте найти для этого приложение.

Форточка в душу

Одна из классических причин критики таких старожил цифровой эпохи, как *Google* и *Facebook*, заключается в том, что компании Кремниевой долины со своим страстным служением индивидуализации порождают страшную разобщенность в обществе. Отгораживаясь от несхожих точек зрения, люди рискуют попасть в пространство, которое писатель Эли Паризер назвал «пузырем избирательности».

Вот только «пузырь» этот, к сожалению, далеко не последняя беда. Объясняется же все это чисто с технической точки зрения. Например, до недавнего времени аппаратные и программные сенсоры, отвечающие за индивидуальный подход к пользователю, умели запоминать лишь нажатия на клавиши и «клики» мышкой, но не настоящие чувства. «Сенсоры» — еще слишком громко сказано, это скорее «сигнальные передатчики». В сущности, так же работает и система, которая на основе истории посещения сайтов пытается угадать следующий шаг пользователя. Или та, что по существующим поисковым запросам *Google* выстраивает результаты новых поисков.

Тем не менее за последние годы произошло незаметное для большинства серьезное системное

изменение. Сенсоры, отвечающие за индивидуальный подход к пользователю, больше не ограничиваются текстовой информацией и теперь умеют отслеживать самые разные наши действия. Они уже не просто запоминают посещенные страницы или поисковые запросы, но обрабатывают и нетекстовую информацию: от нейрофизиологических показателей (не слишком ли мало калорий мы сжигаем?) до эмоциональных (откуда взялась тревога или возбуждение).

Возьмем для примера два недавних инженерных решения: автомобиль, замедляющий ход, когда его сенсоры отмечают, что водитель не следит за дорогой; и письменный стол, вычисляющий количество калорий, которое тратит сидящий за ним человек, и в зависимости от этого изменяющий свою высоту. По правде сказать, заботливый автомобиль пока только проходит испытания и требует, чтобы водитель надевал специальный шлем, но несложно представить, как сенсоры, встроенные в руль, смогут упростить этот процесс. Инженеры *Toyota* еще в 2011 году примеривались к таким устройствам, в это время разработчики *Ford* экспериментировали с датчиками сердцебиения, встроенными в водительское сидение.

А вот «умный» письменный стол можно купить уже сейчас (хотя цена кусается), поскольку конкурентов у него пока нет. Стол оснащен тепловыми датчиками и операционной системой на базе *Linux*. Он понимает, когда за него садится хозяин, постоянно изучает его повадки и привычки, со временем предлагая сменить позу или немного постоять.

В отличие от традиционных статичных столов, этот привлекает умением «осторожно и мягко менять свою высоту на несколько сантиметров вверх или вниз», помогая человеку не утомлять спину. В сочетании с другими сенсорами обычный стол превращается из тоскливого рабочего места в машину для здоровья. Генеральный директор компании, производящей такие столы, говорит, что они собираются также использовать информацию из других внешних источников, например, беговых датчиков движения, чтобы сделать свой продукт еще «умнее». Если стол поймет, что вы только вернулись с пятикилометровой пробежки, он занесет данные в профайл и будет это учитывать, подгоняя нужную высоту.

Если разные приспособления и устройства научились приравниваться к нашему состоянию, то что насчет рекламы? Неожиданная гибкость и отзывчивость на наши реакции, вероятно, не слишком отразятся на отношениях между людьми в обществе, но и здесь есть возможности для злоупотребления.

Не так давно мое внимание привлек доклад с неброским заголовком, но потрясающим содержанием: «Вычисление эмоционального состояния в видеорекламе»^{*}. Работа написана тремя учеными из Сингапура. Они предлагают изящный способ «вживления» рекламы в видеоролики на основе эмоциональной окраски возникающих на экране изображений. Анализ осуществляется во время

* CAVVA: Computational Affective Video-in-Video Advertising.

просмотра пользователем ролика и проводится отдельно по каждой сцене в видео. Эксперименты подтвердили, что такая реклама получается более уместной, чем вычисляемая исходя из текстовой информации пользователя, как это делает *Youtube*.

Недостаток новой технологии в том, что оценивается эмоциональная тональность видео, а не человека. Так что, очевидно, следующим этапом станет определение в режиме реального времени эмоций зрителя. Это осуществимо, если считать пульс, движение глаз или общее выражение лица, например.

Некоторые разработчики уже почуяли здесь золотую жилу. В газете *Wall Street Journal* недавно упоминалась некая компания *MediaBrix*, работающая с «собственным методом определения эмоционального состояния». Работает он примерно следующим образом. За вами наблюдают, пока вы «режетесь» в компьютерную игру, и в момент наивысшего эмоционального напряжения подсовывают рекламу товара. Разумеется, сама компания описывает это несколько иначе: «Мы обращаемся к пользователю в самые решающие моменты игры, когда он наиболее восприимчив к рекламной информации». Сенсорные устройства сейчас набирают популярность, их можно найти под разными названиями: «Интернет вещей»* или «Умный город». И чем дальше, тем более глубоким будет проникновение

* Набирающая популярность концепция, согласно которой вещи, имеющие доступ в интернет, образуют сеть, поскольку могут передавать данные между собой.

«технологий определения эмоционального состояния» в нашу повседневную жизнь.

То, что казалось невозможным еще лет 10 назад, сегодня — реальность. В *Google* создают «умные» очки, *Apple* презентует мощный датчик движения M7 для последнего айфона. (Как заметил их директор по маркетингу, «M7 вобрал в себя все преимущества лучших сенсоров, он постоянно активен», так что даже в режиме сна может понять, когда его владелец «не двигается, бежит, прогуливается или куда-то едет»). Хотя *Google* и *Apple*, кажется, немного опоздали к столу. В 2012 году *Microsoft* запатентовала технологию «целевого рекламирования на основе эмоционального состояния»*. При этом в патенте упоминается устройство захвата движения *Microsoft Kinect*. *Samsung* обзавелась целой кипой похожих патентов: от инструментов передачи эмоций через социальные сети до мобильных телефонов, источающих благоухание.

Если будущее рекламы за «нетекстовыми» технологиями, то на смену нынешним титанам интернет-рекламы придет тот, кто сумеет взять под контроль «агрегат для передачи эмоций», как говорилось в одном из патентов *Samsung*, и научиться на этом зарабатывать. Всеобщая виртуализация повлечет за собой и развитие «железа», в данном контексте — связанного с сенсорами: экранов, камер, датчиков. Они просто необходимы для определения эмоций человека в реальном времени, что куда ценнее при подборе подходящей рекламы,

* Targeting Advertisements Based on Emotion.

чем старые методы, основывающиеся на текстовых данных, вроде истории посещений, поисковых запросов или коммуникации с друзьями. Сказать, что власть, глубоко озабоченная проблемами безопасности, сбора и хранения пользовательских данных, не готова к эпохе нетекстовых способов анализа эмоций человека, — значит ничего не сказать. Такие разработки, как «технология определения эмоциональных состояний», открывают новые проблемы, истоки которых намного глубже, чем просто защита информации. В некотором смысле они выражают давние страхи о «скрытом внушении», поразившие рекламное дело еще несколько десятков лет назад.

Такие страхи казались беспочвенными, когда всем предлагалась одна и та же реклама. Не было повода для беспокойства и когда *Google* вместе с *Facebook* предложили довольно предсказуемую контекстную рекламу, которую было легко заблокировать. Но если в скором будущем мир вокруг нас будет подстраиваться под наши чувства, если каждый «умный» сенсор будет пытаться заглянуть к нам в душу, то, может быть, стоит и призадуматься.

Народное счастье в закромах секретных служб

Представить себе поиск в интернете без *Google* так же сложно, как и пространство социальных сетей без *Facebook*. И объясняется такая монополия далеко не только превосходными алгоритмами и чрезвычайно талантливыми сотрудниками. Реальная причина кроется в том, что *Google* и *Facebook* заняли соответствующие ниши одними из первых, благодаря чему сумели накопить уйму бесценной информации о своих пользователях. Теперь они весьма хищно пользуются этим преимуществом для создания действительно уникальных сервисов, которые недоступны для их молодых конкурентов, и не важно насколько свежи и изобретательны у тех бизнес-модели.

Возьмем для примера персонализированный поиск *Google* или «социальный поиск» от *Facebook*. Обе идеи нельзя назвать прорывными, но богатая база пользовательских данных делает их уникальными. Так, *Google* подсказывает, какие ссылки в результатах поиска понравились вашим друзьям из социальных сетей. А *Facebook* со своим «социальным поиском» использует данные ваших друзей и их друзей тоже.

Обе компании успешно освоили и монетизировали «социальный граф» пользователя (модное с некоторых пор понятие для описания многочисленных пересекающихся связей с другими людьми). Эта вещь как раз и может объяснить, почему даже более продвинутые разработки поисковых «движков» или социальных сетей, которые к тому же намного уважительнее относятся к безопасности пользователя, переживают непростые времена, состязаясь с махинами *Google* и *Facebook*. Пока у них в руках всеобъемлющие базы данных о пользователях, им обеспечено абсолютное превосходство, а все конкуренты обречены.

Если бы нам довелось заново, с нуля, создавать информационную инфраструктуру, то непременно следовало бы обратить внимание на то, насколько нынешние условия негодны для конкуренции. А какие есть альтернативы? Один из вариантов — сделать социальные графы своего рода общественным установлением с равным доступом к ним для всех компаний под контролем государственных регулирующих органов. Многие из наших социальных связей возникли задолго до *Google* или *Facebook* и, может быть, еще и переживут их. Эти компании визуализировали наши социальные взаимоотношения, но это не значит, что других инструментов не существует. Вместо того, чтобы тратить бюджетные деньги на создание альтернативных поисковиков (в Европе от таких попыток вовремя отказались), государство может сосредоточиться на обеспечении равенства для всех игроков в доступе к данным. И тогда новые пер-

воклассные поисковые системы и социальные сети будут появляться без какой-либо помощи и правительственных дотаций.

У такого подхода много других преимуществ. Например, регулирующие органы смогли бы намного тщательнее следить за тем, как собирается и используется информация о пользователях. Появится возможность «обезличить» эти данные и тем самым уменьшить вероятность нарушения пользовательской безопасности. Опасность «пузыря избирательности» часто преувеличивается: в самой тенденции к индивидуализации нет ничего плохого. Нас больше должны беспокоить вызванные ею виртуальные информационные следы, которые мы оставляем, часто сами того не замечая.

Весной 2013 года мое предложение было бы всем понятно, но походило бы на сущее «донкихотство». Начнем с того, что в обществе никому не нужно ни менять, ни даже думать о преобразовании современной информационной инфраструктуры. Только представьте, что придется предпринять, чтобы сделать данные более доступными. Кто бы за это взялся?

Теперь же, после разоблачений американских и британских спецслужб Эдвардом Сноуденом, мое предложение уже неактуально. Взять те же метаданные, собираемые Агентством национальной безопасности США — невинная, по их словам, информация о том, кто кому и когда звонит. Это ведь как раз тот тип данных, без которых невозможно создать общедоступные социальные графы. На деле, вероятно, АНБ уже выстроило цепочки

связей и контактов не только американцев, но и во многих других странах (нередко благодаря сотрудничеству с иностранными спецслужбами и зарубежными телекоммуникационными компаниями).

Можно до посинения спорить об этичности или законности таких действий, и надеюсь, что так оно и будет, учитывая разоблачения Эдварда Сноудена. Система АНБ между тем продолжит прикрываться секретностью, и с развязанными руками пользоваться ничем не ограниченной моральной и откровенно лоббистской поддержкой военно-промышленных компаний. Словом, сложившуюся практику АНБ надо менять и делать это с умом.

Впрочем, это все вопросы будущего. Но куда целесообразнее задуматься о дне сегодняшнем. АНБ располагает массой сведений о нас, и их базы данных только пополняются. (Если уж на то пошло, зачем понадобилось строить уже знаменитый центр хранения данных в Юте). Было бы громадным упущением не создать общественный механизм для обнародования хотя бы части этой информации. На худой конец (во что тоже не верится), можно было бы составить элементарные социальные графы. А за процессом следила бы какая-нибудь общественная организация, возможно, какое-нибудь агентство под эгидой ООН. США, вечно напевающие остальному миру о свободном рынке, смогли бы, наверное, сделать и интернет-рынок поиска и социальных сетей более конкурентоспособным.

Разумеется, тут приходится говорить о массе технических сложностей и проблем с обеспечением безопасности. В новых условиях нельзя будет

обойтись без жестких правил, обеспечивающих анонимность и личную неприкосновенность. А первыми, кто воспротивится этой идее, будут ныне правящие *IT*-компании, поскольку они и предоставляют необходимую информацию спецслужбам. Но ведь *Google* и *Facebook* вместе с тем хорошо понимают, что рано или поздно государство поймет, почему рынки поиска информации и социальных сетей настолько монополизированы, и вставят палки в колеса интернет-гигантов. А последствия этого сценария куда жестче, чем то, что предложил я.

Труднее всего привлечь к обсуждению этой концепции радетелей безопасности в сети. На первый взгляд, здесь им нечего искать. Что может быть безумнее, чем раздавать налево и направо любой начинающей компании или группе разработчиков данные о пользователе из запасников *Google* и *Facebook*? Но все не так просто, и в немалой степени потому, что именно новые компании принесут в эту сферу новое качество. Они сами смогут предложить новые средства пользовательской безопасности и будут развиваться таким образом, чтобы не обременять пользователя постоянным слежением.

Иными словами, мы сейчас стоим перед выбором: либо *Google*, *Facebook* и другие продолжают безраздельно править на своих базовых рынках, собирая все больше и больше сведений о каждом из нас, либо интернет-гигантов усмиряет конкуренция с компаниями, которые имеют равный с ними доступ к пользовательской информации. Простым юзерам выбирать пока не приходится. Им остается

довольствоваться сервисами *Google* и *Facebook*, которые действительно от раза к разу все лучше подстраиваются под конкретного человека.

Самая же важная задача — убедить спецслужбы США и других стран в том, что воплощение этой идеи — в их собственных интересах, что, очевидно, совсем не так. Разведчики только рады происходящему слиянию глобальной системы телекоммуникации, когда есть всего несколько главных узлов (все те же *Google* и *Facebook*), которые сами превосходно справляются со сбором данных и их обработкой — остается только брать. Настоящий же конкурентный рынок, где количество крупных игроков ощутимо больше и где каждый работает по-своему, стал бы настоящей головной болью для спецслужб.

Если еще представить отдельное ведомство, хранящее более личные сведения граждан, ведомство, единственная задача которого — оберегать информацию от нецелевого использования, и с достаточными полномочиями, чтобы не выдавать ни бита по запросу спецслужб, их жизнь предстанет совсем горькой.

Дерзкое предложение? Может быть. Но и эти беды, связанные с навязчивостью спецслужб, можно превратить в победы.

Три мгновения техноненависти: Кремниевая долина против прогресса

Если Рональда Рейгана прозвали «тефлоновым президентом», то Кремниевую долину можно именовать «тефлоновой индустрией»: не важно, сколько грязи на нее проливается, все равно ничего не прилипает. Уничжительные ярлыки «Большая фармацевтика», «Большой маспит», «Большая нефть» реют над иными отраслями промышленности и намекают на жадность их игроков, но только не в случае с «Большими данными». Эти невинно звучащие слова никогда у нас не используются в разговорах о компаниях, зарабатывающих на информационных технологиях. А какие тут могут быть разговоры? Разве эти ясные головы из Кремниевой долины не одного хотят — парой строк программного кода сделать мир лучше?

А вот здесь, как ни странно, не все так просто. Мы прекрасно понимаем, что интересы фармацевтических и пищевых корпораций и тем более

нефтяных гигантов расходятся с нашими собственными, но Кремниевую долину подобные подозрения обходят стороной. Вместо этого мы по-прежнему принимаем информацию за некий особый, волшебный предмет потребления, способный за себя постоять и выстоять перед злодеями, которые попытаются злоупотребить им.

В 2013 году на безупречной репутации Кремниевой долины, которой всегда удавалось выходить сухой из воды, появилось первое пятнышко. Конечно, этому способствовала и сага с Эдвардом Сноуденом, но не меньшую роль сыграли и другие события. Мир, кажется, наконец осознал, что «разрушение»*, любимое слово элит информационных технологий, означает неприятное и болезнетворное явление. Вот, например, университетские преподаватели жалуются на «разруху», случившуюся с расцветом бесплатных онлайн-курсов; частные таксисты бьются с сервисами вроде *Uber***; жители Сан-Франциско сетуют на «разруху» на рынке жилья после того, как в город хлынули миллионеры Кремниевой долины, и взлетели цены. Вдобавок идеологи высоких технологий

* Речь идет о разрушении барьеров, преодолении слабостей и пороков современного общества, то есть понятие «разрушения» в данном контексте тесно связано с тем, что Евгений Морозов называет «солюционизмом» — идеологией Силиконовой долины, согласно которой любую проблему можно представить в виде задачи и, следовательно, решить.

** Популярное в США мобильное приложение для вызова и оплаты такси.

продолжают засыпать нас безумными, отпугивающими идеями. Вот одно из свежих предложений, прозвучавших на недавней конференции из уст технического директора одной компании: Кремниевая долина должна мигрировать из страны и «на основе высоких технологий построить общество абсолютной свободы личного выбора, подальше от США». В каком-то смысле его можно понять: страна, где для правки сайта нужны слушания Конгресса*, — позор для Кремниевой долины.

Этот нарастающий диссонанс все сложнее не замечать. Возможно, он похоронит многие мифы, порожденные высокотехнологичными компаниями. Разве не было бы прекрасно, если однажды мы бы прозрели и увидели, что за миссией *Google* «упорядочить всю в мире информацию, сделать ее доступной и удобной для любого» стоит на самом деле желание «заработать на всей информации мира, сделать ее прибыльной и не для всех доступной»? С этой «подрывной» мыслью наперевес мы можем наконец осознать, что позволить *Google* заправлять мировыми информационными потоками — все равно что поручить *Halliburton*** добычу всей нефти в мире. Но открывать шампанское

* Автор намекает на проблемы в 2013 году с запуском сайта обновленной системы здравоохранения в США *Healthcare.gov*. Конгресс проводил слушания, чтобы выяснить причины неполадок.

** Американская корпорация, известная влиянием на правительство в США и злоупотреблениями, основанными на экономическом и политическом могуществе компании.

рановато: титаны Кремниевой долины по-прежнему внимательно контролируют логику общественной дискуссии вокруг них. До тех пор, пока в своей критике мы будем топтаться на пяточке терминологии, пока мы говорим о «технологиях» и «информации», о том, что описывается затертым и от этого лишенным смысла словом «цифровой», Кремниевая долина будет казаться исключительным явлением. Когда сторонники здорового питания набрасываются на компании «Большого маслита» и винят их в обилии соли и жира в продуктах, в «подсаживании» нас на вредную пищу, никто не уличает таких активистов в мракобесии. А того же рода критика, направленная на *Facebook* или *Twitter*, которые так устраивают свои сервисы, что вынуждают постоянно обновлять страничку, уже считается технофобией и борьбой с научно-техническим прогрессом.

Почему дискуссии о высоких технологиях настолько пресные и беззубые нетрудно понять: говоря о делах «цифровых», а не «политических» или «экономических», мы заведомо ставим представителей Кремниевой долины в выигрышное положение. Мы не замечаем, как товары и услуги, представленные целым спектром уникальных понятий, таких как «информация», «сети», «интернет», самим языком выводятся на пьедестал исключительности*. Это развязывает руки компаниям Кремниевой долины, и они с легкостью отмахиваются

* В английском, как и в русском, почти невозможно найти им равные или хотя бы соразмерные синонимы.

ваются от своих критиков, вешая ярлыки «ретроградов» и «реакционеров» на любого, кто высказывается против «технологий», «информации» или «интернета», потому что это, по их мнению, против самого «прогресса».

Как узнать такой «разговор о цифровом мире»? Нужно искать призывы к обсуждению подлинных вещей: технологий, информации, познания и, разумеется, интернета. Поэтому если вы слышите мнения о том, что «этот закон опасен для интернета» или «это новое устройство — прекрасная вещь, потому что представляет новое слово в технологическом прогрессе», знайте, что вы уже находитесь вне политического дискурса, где речь идет так или иначе об общем благе, и вы ступили на территорию ложной метафизики. Все, что там требуется от вас — это печься о благе мнимых богов цифровой эпохи, заменивших не такой привлекательный тотем корпоративных интересов. Отчего же все «опасное для интернета» угрожает и *Google*? Не может это быть случайным совпадением, ведь правда?

Вероятно, нам следует полемику о технологиях и прогрессе несколько сузить. «Нормально ли быть противником прогресса?» — так озаглавлено потрясающее эссе Томаса Пинчона, увидевшее свет в 1984 году. И на этот вопрос автор в целом отвечает утвердительно. Сегодня он уже звучит старомодно. Намного лучше в наше время спросить: «Нормально ли быть сторонником прогресса и ненавидеть при этом Кремниевую долину?» То есть реальный враг не технологии и их развитие, а сложившиеся политическая и экономическая

системы, которые используют новейшие технологии для достижения собственных целей. На деле они защищают интересы дикого сочетания военно-промышленного комплекса и безраздельно властвующих банкиров и рекламщиков. Кремниевая долина представляет самую заметную, обсуждаемую и наивно воспринимаемую часть этой глобальной машинерии. Поэтому если коротко, то ненавидеть Кремниевую долину — это нормально, только делать это надо точно понимая причины такого своего отношения. Вот три из них, но они далеко не единственные.

Сны о высоком и революционном

Причина первая: компании Кремниевой долины создают то, что я называю «невидимым колючим проводом», который опутывает наши жизни. Нам обещают больше свободы, открытости, мобильности. Нам говорят, что мы можем поехать куда угодно и когда угодно. Все это ложная свобода. Это свобода только что выпущенного из-за решетки зека с электронным *GPS*-браслетом на щиколотке.

Безусловно, автомобиль с функцией автоуправления может сделать путь на работу менее нервным. Но такой автомобиль с функцией автоуправления от *Google* будет уже не просто «умной» машиной. Это будет пункт слежки на колесах! Приготовьтесь к тому, что каждая поездка будет сохранена в памяти. Автомобиль даже сможет отказаться отвезти вас куда-нибудь, если решит, что у вас для этого неподходящее настроение. Конечно, есть исключения. Системы спутникового позиционирования

действительно развязывают нам руки, но общее движение в развитии технологий очевидно: каждый новый сенсор, явившийся из инженерных мастерских *Google* — это новый инструмент управления. Им даже не нужно напрямую заставлять нас корректировать свое поведение — достаточно нашего знания о существовании таких инструментов.

Или пожалуйста, бесплатные университетские курсы в интернете*. Без сомнения, они привели к принципиальным сдвигам в отношениях между преподавателями и студентами. Мы знаем все явные положительные стороны таких курсов: учащиеся получают больше возможностей для приобретения знаний и платят меньше; то есть у студента, живущего в Африке, есть шанс пройти лучшие в США курсы, и так далее. Но как насчет подводных камней? Рассмотрим *Coursera*, компанию одного из ведущих инженеров *Google*, ставшую за короткий срок лидером среди проектов дистанционного обучения. Сейчас *Coursera* внедряет биометрическую идентификацию студентов, основывающуюся на распознавании лица и анализе скорости набора на клавиатуре. Знать студента в лицо полезно, когда выдаешь ему диплом. Но как мы пришли от «университетов открытых дверей» к университетам с биометрической

* Massive Open Online Courses (MOOC) — это проекты дистанционного обучения, которые сотрудничают с вузами разных стран. Учебные заведения представляют онлайн-версии своих курсов, а их профессора через интернет обучают желающих и, как правило, бесплатно.

аутентификацией? Как заметил Жиль Делёз, беседа в 1990 году с Антонио Негри: «...в сравнении с появляющимися ныне формами неусыпного контроля, прежние жесткие ограничения мы можем счесть за светлые моменты нашего счастливого прошлого». С тех пор общество едва ли стало лучше понимать связь между мнимой открытостью технологической среды и нарастающим контролем, появлением новых средств управления.

Так что же на деле означает этот «невидимый колючий провод»? Предположим, вы хотите стать вегетарианцем. Вы заходите на *Facebook* и через «социальный поиск» находите самый популярный среди ваших друзей ресторан для вегетарианцев, расположенный недалеко от вашего дома. *Facebook* осознает, что вы принимаете важное решение, которое скажется на жизни сразу нескольких предприятий, поскольку ваш запрос — хорошая новость для местных продавцов соевых пирожков и плохая — для мясных лавок.

Facebook заработает на этом знании о ваших потребностях, используя хитрую схему. Сначала он устроит аукцион в режиме реального времени, чтобы дать возможность продавцам мяса не отдать своего клиента торговцам соевых продуктов без боя. С этого момента ваша судьба уже не в ваших руках. Это звучит глупо только до той поры, пока вы не зайдете в местный магазин, и ваш смартфон не сообщит, что специально для вас здесь есть 20-процентная скидка на мясо. На следующий день, когда будете проходить мимо мясной лавки, ждите нового предложения. Заходите, возьмите вот эту

сочную отбивную! Неделя размышлений, много дешевого мяса, и вы поймете, что вегетарианство не для вас. Выбор сделан.

Разумеется, победи продавцы соевых продуктов, все могло пойти совсем иначе. Вот только на самом деле нет никакого значения в том, кто выигрывает торги. Важно понимать, что решение, которое вам кажется взвешенным и самостоятельным, вовсе таковым не является. Вы чувствуете себя вправе выбирать, и, может, даже напишете благодарственное письмо Марку Цукербергу. В этом и весь парадокс. Будучи уверенными в собственном выборе, вы все равно будете отданы на милость тому, кто предложит больше денег на торгах. Участники аукционов борются за то, чтобы показать действительно важное для вас. Их реклама произрастает на почве, сдобренной знаниями *Facebook* о всех ваших тревогах и потребностях. Традиционная, одномерная реклама «вслепую» уходит в прошлое.

Этот пример не просто плод моего воображения. В прошлом году *Facebook* заключил сделку с компанией *Datalogix*, чьи разработки позволяют привязывать отображаемую рекламу к месту совершаемых вами покупок. *Google* уже обзавелся приложением *Google Field*, которое непрерывно высматривает в близлежащих магазинах, кафе и ресторанах скидки и специальные предложения. Ничто в моем примере не касается проблемы неприятия технологий и информационного развития. Здесь мы имеем дело с политической экономией, рекламой и вопросом автономности. Соотносится ли это с дискуссией о цифровых технологиях? Очень отдаленно.

Капиталистическая модель Кремниевой долины, вращающаяся вокруг данных, стремится перекрыть и монетизировать все без исключения сферы нашей повседневной жизни, даже те, что на первый взгляд казались отдушиной в промежутках между работой и бытовыми заботами. Они добиваются этого, не просто размывая грань между трудом и остальной жизнью, но уверяя нас, что репутация — это такая же работа, которая требует непрерывного внимания. Вот так все и превращается в доходный актив: наши отношения с окружающими, семья, отдых, сон (теперь, например, вам предлагают устроить свой график так, чтобы выспаться за самое короткое время).

Риторика, которой сопровождаются такие «прорывы», столь же высокопарная, сколь революционная по своему духу, особенно если речь идет о вещах наподобие «экономики участия»*. «Это первый этап чего-то более существенного, что позволяет людям выстраивать их собственные жизни в согласии с принципами экономики участия и отказываться от прежнего жесткого графика 9-часового рабочего дня пятидневной рабочей недели, — ратует в одном интервью Арун Сундарараджан, профессор Университета Нью-Йорка и большой поклонник „долевой экономики“. — Это прогресс,

* Или «долевая экономика» (англ. sharing economy) — набирающая популярность после финансового кризиса 2008 года экономическая концепция, согласно которой ресурсами, инструментами, технологиями, вещами делятся или обмениваются, поскольку это выгоднее, чем покупать их или продавать.

приводимый в движение новыми технологиями. Вот ради чего все». Ну да, «прогресс»! Еще никогда так сладко не звучало это слово — работать 24 часа 7 дней в неделю вместо привычной 8-часовой пятидневки, потому что, как показывает практика, работа, лишаясь жестких рамок, наполняет всю вашу жизнь.

Без права на интимность

Вторая причина ненавидеть Кремниевую долину заключается в том, что из-за нее мы больше не представляем иных форм обеспечения и организации коммуникационной инфраструктуры. Забудьте о коммуникационных системах, которые обходятся без рекламы или централизованного хранения данных на частных серверах, расположенных в США. Стоит лишь заикнуться о чем-то ином (например, общедоступных альтернативах), как вы рискуете попасть в разряд «ретроградов, желающих уничтожить интернет». Мы пали жертвами того, что бразильский социальный теоретик Роберто Мангабейра Унгер назвал «диктатурой безальтернативности». От нас хотят, чтобы мы видели в *Gmail* лучший и единственный сервис электронной почты, а в *Facebook* лучшую и единственно возможную форму социальной сети.

Но задумайтесь, насколько причудлив существующий порядок. Представьте, что я предлагаю вам почтовые услуги, современные, инновационные. Забудьте про марки. За них приходилось платить. А зачем платить, если письма можно отсылать даром? Только представьте, как изменится мир, где

будет такая почта. Нищие африканские детишки наконец достучатся до вас с мольбой о компьютере! И так, нет марок, поэтому мы будем жить за счет рекламы, будем вскрывать все ваши письма, вычитывать их до последней буквы, вкладывать подходящие рекламные листовки, наконец, ставить штамп на конверте и направлять адресату.

Звучит как бред? Именно. А ведь так работает сейчас наша электронная почта. После скандала вокруг слежки АНБ и провала во время запуска *Healthcare.gov* доверие к общественным организациям настолько упало, что любые альтернативные механизмы, в особенности с участием государства, кажутся немыслимыми. Но это только часть проблемы. Что произойдет в случае краха так бережно и долго пестуемой «цифровой устроенности», когда компании поменяют принципы, на которых строится их бизнес сейчас.

Еще пять лет назад какой-нибудь журналист или исследователь мог бы запросто написать книгу под названием «Что еще придумает *Google*?» с искренней верой в то, что компания исповедует высшие и человеколюбивые идеалы, готова вкладываться в заведомо убыточные, но востребованные людьми разработки. Однако с тех пор, как *Google* прикрыл *Google Reader* и многие другие популярные сервисы, беззаветно верить в великодушные детища Сергея Брина больше не приходится. Пройдет два-три года, и *Google* объявит о судном дне для *Google Scholar*, бесплатного и совершенного не приносящего компании прибыль, и тем самым испортит жизнь миллионам студентов, преподавателей,

исследователей по всему миру. Почему мы не готовимся к этому судному дню и не создаем независимой от частной корпорации системы? Не кажется ли вам странным, что европейцам по плечу построить нечто вроде ЦЕРН*, но не куда более простой онлайн-сервис, через который можно было бы отслеживать все материалы о работах и экспериментах ЦЕРН? Уж не потому ли, что кудесники Кремниевой долины убедили нас, что их дело будто бы сродни магии?

Теперь, когда наши средства общения в руках бизнесменов, неплохо бы не наступать на те же грабли сетевой безопасности. Не следует сводить всю совокупность проблем, связанных с ней, к рыночным механизмам и решениям. Благодаря неудержимой предпринимательской энергии Кремниевой долины, наша с вами безопасность в сети уже сегодня приватизируется. Частная информация становится товаром. Как можно обезопасить свои сетевые перемещения? Спросите любого хакера — важно знать те средства, которые вы используете. Приватность перестала быть естественным благом. Отныне придется потрудиться и потратиться, чтобы ее себе обеспечить.

А что делать тому, у кого нет на это денег и времени? Как изменится их жизнь? Когда основатель одного многообещающего проекта, ни много ни мало бывший гендиректор *Google*, заявляет, что

* Европейская организация по ядерным исследованиям (CERN), курирует работы на Большом адронном коллайдере.

«любые данные — это данные в долг, и мы просто не научились их использовать», остается ожидать худшего. Если «любые данные — это данные в долг», и нищерадам не по карману приватность, то это, получается, их проблемы, и времена для них наступают печальные. А как не выйти из себя, когда каждый твой шаг, «клик», телефонный звонок может быть изучен и использован против тебя? «Долговая яма» поглощает всякого еще до того, как он взял займы. И так, ненависть или страх перед новыми технологиями и прогрессом не мешают всерьез беспокоиться о том, как будут обстоять дела с равенством, мобильностью и качеством жизни. Споры о высоких технологиях с их неминуемыми отступлениями в культурный пессимизм просто не касаются представленных вопросов и проблем.

На какую кнопку тут нажать, чтобы победить бедность и расовую дискриминацию?

И третья причина ненавидеть Кремниевую долину: она заразила человечество примитивно простым взглядом на мир. Вся штука в том, что она не просто сделала шпионские мечты американской разведки реальностью и снабдила АНБ и другие спецслужбы соответствующими инструментами, но, что намного хуже, она их поддерживает, вдохновляет и поощряет. Это Кремниевая долина показала, как надо находить связи между людьми и предметами в путанице бессмысленных данных, как записывать каждый «клик», отслеживать самое незначительное действие, тщательно их документировать и анализировать. Как и компании

Кремниевой долины, разведчики, в том числе из АНБ, принимают за аксиому, что все между собой связано и повязано. Если мы не находим логики между двумя обрывками данных, мы просто недостаточно глубоко копнули. Или нам нужен третий кусочек, а уж его мы найдем.

Есть что-то от бреда в таком восприятии. И под «бредом» я понимаю именно «расстройство мыслительной деятельности». Итальянский философ Ремо Бодей полагает, что человеческие заблуждения коренятся не в недостаточном духовном движении, как это подают некоторые психоаналитики, а происходят, скорее, от его избытка. По словам ученого, бредить — значит «не справляться с обилием информации». А здравомыслящий человек «осознает, что знать все невозможно, и некоторые связи между событиями и предметами для нас недоступны». По Бодей, бредящий человек не может вовремя остановиться и продолжает выскидывать связи вещей там, где их нет. Такое поведение ученый определяет как «сверхвключенность» (*hyper-inclusion*).

А ведь именно ею страдает военно-промышленный комплекс США. И там этого даже не пытаются скрывать. Старший офицер ЦРУ Гус Хант, отвечающий за технологическое обеспечение, признается, что «когда не получается соединить обрывки воедино, мы стараемся до тех пор, пока не получится». Такая «сверхвключенность», как считает Бодей, присуща только бредящим людям. Для них «случайное и второстепенное, существующее во внешнем мире, невозможно в их духовной реальности, где

все поддается объяснению». Например, «безумец может придать значение тому, что трое из толпы надели красный галстук, и будет уверен, что в этом есть некое скрытое значение». Точно так же одержимые люди верят, что «Святой Иосиф — это не только человек, муж девы Марии, но и деревянный стол, поскольку он был еще и плотником». Все это бред в глазах Бодди, но в Кремниевой долине и Вашингтоне увидят здесь вместо Иосифа хорошо знакомые им «Большие данные» и «семантическую паутину»^{*}.

Там никого не заботит, что связи между какими-то вещами иллюзорны или формальны. Когда *Google* и *Facebook* портачат и выдают нелогичную рекламу, не разобравшись в наших запросах, это вызывает некоторое неудобство, но не более того. Когда же портачат АНБ и ЦРУ, это приводит к бомбовому удару с беспилотника, ну, или если очень повезет, то к бесплатной путевке со всеми удобствами в Гуантанамо.

Другая проблема Кремниевой долины состоит в том, что ее представления о мире чрезвычайно искажены бизнес-моделями. На все беды у нее два ответа: либо нужно больше «вычислений» (кода), либо нужно обрабатывать больше данных. По существу, ответ-то один, и сочетает оба этих момента. Так появляются на свет приложения для соблюдения диеты, мониторинга погоды и движения на

* Семантическая паутина (Semantic Web) — концепция интернета будущего, предполагающая преобразования всех имеющихся в сети данных в некую форму, пригодную для машинной обработки, так что программы могли бы работать с ними независимо от человека.

дорогах. И эти крошечные успехи позволяют инженерам Кремниевой долины именовать «прогрессом» последствия их бизнес-планов. Если эти подходы (больше вычислений и больше данных) и могут разобрататься с мелкими проблемами, то это вовсе не означает, что этого достаточно для решения многосложных, запутанных социальных, политических или экономических проблем, которые складываются из разных структурных и институциональных сбоев.

Многие говорят (в США уж точно) о больших возможностях смартфонов в решении проблем вроде ожирения. Как они помогают следить за весом? Смартфоны с помощью соответствующих датчиков умеют отслеживать, сколько мы проходим пешком, и предупредят, если двигаемся слишком мало. Разные «умные» устройства (те же очки *Google*) следят за тем, сколько и чего мы едим, а могут и настоять, чтобы мы отказались от соблазнительного десерта. Все это зиждется на допущении, заимствованном из поведенческой экономики. Мы часто принимаем иррациональные решения, и структурированная информация, предоставленная нам в нужный момент, должна помочь в итоге поступить рационально.

Обратите внимание, как определение причин проблемы (в данном случае — ожирения) вырождается в банальщину — «виноваты вы сами». Поэтому в действительности мы не решаем проблему. Прикрываясь вычислениями и данными, просто смотрим на нее под самым удобным и наименее обременяющим углом. Для необеспеченного человека, вкалывающего на нескольких работах, без машины

и, соответственно, возможности закупаться полезными для здоровья продуктами на рынке, питание фастфудом представляется вполне рациональным решением — каждый получает то, что может себе позволить. И бессмысленно повторять очевидные для всех вещи: фастфуд — это дешево и вредно. Проблема ведь не в еде, а в финансовом положении человека, и бороться надо с бедностью, а не фастфудом. Это доказывает необходимость решительных экономических реформ, а не просто информации о том, где купить свежие овощи без ГМО.

Социологи для этого феномена придумали даже специальный термин — «герметизация проблемы». Вот одно из недавних его определений: «Это ситуация, когда используется особая формулировка проблемы с тем, чтобы задать рамки, в которых затем осмысляются причины проблемы и ее следствия и которые исключают возможность альтернативного способа рассмотрения проблемы». Поскольку причины и следствия проблемы определены узко, то нет ничего удивительного в том, что конкретные решения занимают все остальное внимание. И вот что мы имеем на сегодня: вдохновленные Кремниевой долиной принимающие важные решения политики, государственные деятели, лидеры общественного мнения начинают видеть в проблемах лишь следствие нехватки информации о том или ином предмете. А это предполагает только одно решение: нужно обеспечить себя достаточным количеством информации, с чем справится специально сделанное по случаю приложение. Но где же приложения для борьбы с бедностью и расовой

дискриминацией? Мы решаем проблемы, которые по плечу приложениям, и забываем о проблемах, за которые надо браться основательно.

Щепотку политики, ложку экономики, и — хорошенько взбить

Понимают ли в Кремниевой долине сами, в какое болото они нас заводят? Сомневаюсь. «Невидимый колючий провод» по-прежнему незаметен даже для его создателей. Кто бы ни скрещивал бесплатное онлайн-образование с распознаванием по биометрическим данным, он не будет озадачиваться вопросом нашей с вами свободы. «Свобода» не по их части, их дело — строгать крутые инструменты пространства знаний.

И здесь мы окончательно сбиваемся с пути, окунаясь с головой в дебаты о новых технологиях: понятно, как о них говорить, но за кадром остаются общественная, политическая, экономическая системы, которые в одно и то же время как дают технологиям жизнь, так и отнимают ее, как стимулируют, так и осаживают. Если когда-нибудь эти измерения нашей жизни выйдут на передний план в осмыслении происходящего, то «цифровая» подоплека сразу потеряет для нас интерес, потому что она не способна ничего всерьез объяснить из насущных проблем. О возведении инструментария в культ предупреждал в 1990 году Жиль Делёз*: «Кто-то, конечно, может заметить, как каждый тип общественного устройства соот-

* В той же беседе с Антонио Негри.

ветствует конкретному типу машин. Простые механические машины — это суверенные общества, термодинамические машины — это дисциплинарные общества, кибернетические машины и компьютеры — общества контроля. Но машины ничего не объясняют сами по себе. Вы вынуждены разбираться в условиях общественного договора, в котором машины — лишь одна из составляющих».

За минувшие два десятилетия наша способность обнаруживать связь между машинами и «общественным договором» почти утрачена. На мой взгляд, это произошло потому, что мы принимаем эти машины за нечто эфемерное, пришедшее из мистических глубин «киберпространства», принадлежащее «миру онлайн и цифр», то есть они как бы даны нам сакрализованными демиургами интернета. А будущее за интернетом, как не устают твердить нам вершители судеб мира из Кремниевой долины. Поэтому бороться с интернетом — значит бороться с будущим.

Но ведь это та еще ахинея. Нет никакого «киберпространства», и «дискуссия о цифровых технологиях» — это не более чем набор софистических идиом Кремниевой долины, позволяющих главам компаний спокойно спать по ночам. (Да и с такой-то зарплатой!) Не пора ли с этим заканчивать? Первым делом нам следует отнять у них избитый, но неизменно доходчивый язык, на котором все так обманчиво просто, замечательно и логично. Затем — лишить возможности задавать тон историческому развитию. И наконец, вернуть в ИТ-дискурс политику и экономику. Давайте ради общего блага

Евгений Морозов

похороним «споры о цифровых технологиях» вместе с расплывшейся в них интеллектуальной посредственностью.

С плотно открытыми глазами

«Могут ли 3D-принтеры перевернуть нашу жизнь?» — задается вопросом голос в одном из самых безвкусных видеороликов, который вам, вероятно, доводилось видеть в последнее время. Я говорю о рекламном трейлере сайта *Defcad.com*. Это сервис поиска распечатываемых с помощью 3D-принтера схем вещей, к которым «бизнес и государство нас не подпускают: медицинское оборудование, лекарства, специфические товары и оружие». Голос принадлежит Коди Вильсону, студенту-юристу из Техаса. В 2012 году он основал проект *Defense Distributed*, который мгновенно вызвал большое количество споров, поскольку его участники объявили своей целью организацию производства «вики-оружия». С помощью *Defcad* Коди и его команда идут дальше и предлагают энтузиастам делиться схемами и печатать на 3D-принтерах, например, запчасти для беспилотников домашнего изготовления.

Вильсон, обращаясь к зрителям, разыгрывает карту под названием «открытость» — новый опиум для пристрастившегося к легким решениям народа. Это проект не только с открытым исходным

кодом, о чем дважды напоминают авторы в течение нескольких минут ролика, но и со свободным доступом ко всем накапливаемым данным. Все для всех доступно, ну как тут устоять! Это ведь исключительно для всеобщего блага, так?

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы заметить, что понятие «открытости» утратило сколько-нибудь уловимые очертания. В нем полно привлекательности, граничащей с манящей сладостью, но ни грамма осмысленного содержания. Сегодня достаточно приклеить ярлык «открытости» на любую сомнительную идею, как ее тут же примут на ура. Даже сектанты-сайентологи провозглашают «приверженность идеалам открытого общения».

«Открытость» сегодня — это могущественный культ, религиозное учение с собственными догмами. «Ключ к успеху уже не в том, чтобы владеть нефтяной вышкой, человеческими ресурсами, товарами или даже интеллектуальной собственностью. Этот ключ в открытости», — провозглашает ученый муж интернета Джефф Джарвис.

Всеобщая зачарованность этой идеей происходит от переживающего подъем движения свободного программного обеспечения, предполагающего доступный исходный код, который может улучшить любой программист. Но сейчас понятие распространилось буквально всюду: от политики до благотворительности. Среди книжных новинок мы можем встретить такие заголовки, как «Манифест тотальной открытости» или «Радикальная открытость». Появляются даже «открытые» напитки,

например, *OpenCola* — по-настоящему народная газировка.

Для многих эта концепция сменила похожую одержимость экологичностью. Как раньше бизнес «озеленял» свои проекты, товары и услуги, всячески подчеркивая их пользу для окружающей среды и скрывая «грязные» стороны, так и теперь с не меньшим пылом выставляет декорации «открытости» там, где ее и в помине нет, и дает жизнь новому термину — «отмывание доступа» (*openwashing*).

Тенденция к «отмыванию доступа» распространяется как вирус. Хотя, к сожалению, она занимается исключительно вопросом подлинности «открытых» инициатив, но не объясняет, зачем эти инициативы нужны и, если нужны, то какие именно. «Открытость», если задуматься, бывает разная, поэтому здесь обязательно нужно оговариваться и уточнять.

Взять хотя бы «открытость» по философу Карлу Попперу, который определял «открытое общество» как высшее проявление либеральных политических ценностей. И это не та же открытость, какую подразумевает свободное программное обеспечение. У Поппера она означает преимущественно политическую свободу и беспрепятственный обмен идеями. Свободное ПО прежде всего — это взаимодействие энтузиастов, разработка новых технологий и решение проблемы их эффективности, то есть во главе угла — получение результата, да и то не всегда.

Или вот, например, как министр финансов Великобритании Джордж Осборн недавно охарактеризовал механизм свободного программного

обеспечения: «Вместо того чтобы отдать политикам и чиновникам право на монополию в здравомыслии, вы объединяетесь через интернет с разными людьми (по крайней мере, с заинтересованными), и решаете определенную проблему». Как дополнение к существующему устройству это замечательно, но как замена существующей политике — хуже не придумаешь.

Разумеется, крайне важно привлекать граждан к решению проблем. Но кто определит, за какую «конкретную проблему» они должны взяться в первую очередь? Кто и как будет их формулировать? В проектах, работающих по принципу свободного ПО, ключевые решения принимают управляющие проекта и заказчики. Но в демократически устроенном обществе граждане и стоят за штурвалом (их представители), и сидят на веслах. В политике, основанной на идеалах свободного ПО, все, что остается им делать — только грести.

То же самое в случае с «открытым правительством». Это понятие когда-то уже звучало в дискуссиях о подотчетности государственных органов. Сегодня же его используют, как правило, для объяснения, насколько правительственная информация доступна для изучения и использования. Причем «открытость» показывает скорее не то, насколько чиновники стали ответственнее в связи с общественным контролем, а сколько приложений было создано на основе доступной информации, пусть и самых тривиальных. Такое размытие понятия «открытости» позволяет британскому премьеру Дэвиду Кэмерону чувствовать «открытое

С плотно открытыми глазами

правительство» и тут же жаловаться, что законы о защите свободы информации «душат руководство страны».

Путаница не только в головах чиновников. Взгляните на всеобщее воодушевление в связи с развитием «открытых» курсов дистанционного обучения в интернете. Почему они называются открытыми? Если под этим понимать бесплатность, то да, за них не придется выкладывать ни копейки. Но рано праздновать триумф открытости. Настоящая открытость — это когда пользователям не только предоставляют доступ, но позволяют использовать курсы в своих целях, править и дополнять содержание. Так, чтобы я смог взять чьи-то лекционные заметки, добавить несколько своих глав и раздавать уже как свой собственный курс. Такого большинство площадок дистанционного обучения предложить пока не могут. Чаще всего они это запрещают.

Одержит ли верх «открытость», как убеждают нас оптимисты цифрового мира? Весьма вероятно. Но тогда может не устоять политическая система демократического общества, глубинные политические реформы и многое другое. Быть может, нам стоит наложить мораторий на всякое упоминание «открытости». Только представьте, какие возможности тогда откроются!

Тень птенцов «Матрицы»

«Сетевое поколение», поколение «Миллениум» или «игрек», «цифровые туземцы» — все это названия молодых людей, рожденных, грубо говоря, между 1980-ми и 2000-ми годами. Многие преподаватели, бизнесмены и политики признают существование нового поколения учащихся, потребителей и граждан, наделенных специфическим взглядом на мир. С пеленок они росли вместе с интернетом и теперь по-своему (хотя на сей счет немало споров) понимают образование, работу и политику.

«В отличие от тех из нас, кто по праву может называть себя старомодным, новое поколение никогда не училось жить в окружении гаджетов и виртуальной реальности. Они с самого детства одной ногой в реальном мире, а другой — в виртуальном», — пишут преподаватели Центра Беркмана Гарвардской школы права Джон Палфри и Урс Гассер в книге 2008 года «Дети цифровой эпохи» (*Born Digital*), одной из десятков на эту тему. Авторы утверждают, что молодых людей увлекают новые цифровые средства самовыражения. Они с тем же удовольствием снимают и выкладывают в интернет видео, с каким их родители, например, писали заметки или эссе.

Поэтому все громче в разных странах слышны призывы переиначить систему образования, подгоняя ее под возможности и особенности поколения «цифровых туземцев», которое принципиально отличается от всех предшествующих поколений. Профессора уже переносят общение со студентами в *Facebook*, где те чувствуют себя уютнее. «Наши учащиеся в корне переменились. Наша система образования создавалась совсем не для такой молодежи, какая приходит в вузы сегодня», — пишет Марк Пренский, автор книги «Цифровые туземцы, цифровые чужаки» (*Digital Natives, Digital Immigrants*), вышедшей в 2001 году. Лучшие управленцы ломают голову над тем, как найти общий язык с подчиненными новой формации, которые вместо слепого выполнения поставленных руководством задач сами хотят участвовать в создании решений и требуют обратной связи по поводу выполняемой ими работы.

Но насколько оправданы такие обобщения? Возникающий в этой связи скептицизм вполне объясним. «Нелепо предполагать, что у наших детей какой-то особый путь в освоении магии „цифрового мира“, и в связи с этим они понимают нечто недоступное для других, заставляя нас плестись следом», — считает профессор-коммуниколог из Университета Вирджинии Сива Вайдхаянатан.

Скептически настроен и Майкл Вэш, который одним из первых начал использовать технические новшества на своих занятиях по культурной антропологии в Государственном университете Канзаса.

По его словам, многие студенты довольно поверхностно знакомы с цифровыми инструментами, которыми постоянно пользуются, особенно если речь идет о социальной сфере или политике. Лишь немногих можно назвать по-настоящему «цифровыми туземцами». Остальные ничем не отличаются от большинства людей нашего общества, включая старшие поколения.

Группа исследователей во главе со Сью Беннет из Университета Воллонгонга в исследовании, опубликованном в журнале *British Journal of Education Technology* в 2008 году, разбивает в пух и прах теорию о «цифровых туземцах» и утверждает, что «различия в пределах одного поколения могут достигать такого разброса, какой бывает между разными поколениями». Исследователи обращают внимание на то, что заблуждение насчет «цифрового» поколения способно привести к нежелательным перегибам в образовательных подходах. Мерить всех общим аршином — значит неверно «оценивать познавательные способности молодых людей разных возрастных групп, а также разграничивать эти группы». Если говорить коротко, то у современной молодежи такой же мозг, как и у людей прошлых веков, и он не требует никакого специального обращения.

А что насчет политики? Существует ведь мнение, что из «сетевого поколения» выходят более ответственные граждане, которые используют знания о технологиях для решения социальных проблем и пристального наблюдения за государственной политикой. Примеров масса: от предвыборной

онлайн-кампании Барака Обамы до превращения твиттера в общественно-политическую площадку. Эксперты Фонда МакАртура потратили три года на исследование этой темы и пришли к выводу, что времяпрепровождение в сети «крайне важно для формирования социальных и технических навыков, которые необходимы в эпоху цифровых технологий». Но все эти споры о «цифровых гражданах» сродни дебатам о «цифровых туземцах»: внутри самих групп может быть слишком много географических, экономических, демографических различий, чтобы делать обобщения.

В конце концов, не все же рожденные в промежутке между 1980-ми и 2000-ми годами имеют доступ к информационным технологиям. В развивающихся странах уж точно. Действительно, интернет способен стать отдушиной для жителей стран, где подавляются политические и другие свободы. Но и власть ведь всегда начеку и тщательно следит за онлайн-пространством. Тогда в некоторых случаях возникает негласный пакт между государством и обществом: в сети можно заниматься чем угодно, но в настоящую политику лезть запрещено. В Белоруссии, например, контролируемые государством интернет-провайдеры специально обеспечивают пользователей терабайтами пиратского контента, лишь бы те были довольны.

Активизм или что?

Много пустого говорится сейчас о кипящей в интернете деятельной жизни молодежи. Всякий подросток в какой-нибудь социальной сети может

присоединиться к группе поддерживающей, например, оппозицию в Иране или освобождение Тибета, но что от этого изменится? Эксперты американского научно-исследовательского центра *Pew Research Center* установили, что пользователи интернета в возрасте от 18 до 24 лет менее других шлют обращения в государственные учреждения и жертвуют деньги на гражданские инициативы. Любопытнее всего, что те же самые люди активнее прочих распространяют политические новости и присоединяются к политическим кампаниям в сети. Они лишь имитируют свое участие в общественной жизни, передавая гражданскую ответственность по цепочке своим друзьям в соцсети. Кто знает, может быть, у «сетевого поколения» и правда особый подход к образованию, труду и общественной жизни, но не стоит все-таки пока делать много шума из того, что может оказаться пустышкой.

Реквием по киберфланерству

Недавно я копался в ворохе старых статей о будущем интернета и наткнулся на небольшое эссе 1998 года, которое было опубликовано среди прочих на сайте *Ceramics Today*. Эссе привлекло мое внимание, поскольку автор воспевал наступавший тогда расцвет киберфланерства*, рисовал образы светлого цифрового будущего, преисполненного игрой, загадочностью и открытиями, которые ожидают почитателей новой виртуальной забавы. Такое будущее казалось почти неизбежным во времена, когда «интернет с выделенной линией был тем же, чем некогда город и его проспекты — для праздношатающихся господ».

Увлечшись пророчествами, я решил выяснить, что же стало с киберфланерами. Довольно быстро мне удалось найти многих обозревателей, сторонников этой теории, уверовавших в грядущее процветание прогулок на просторах интернета. Учитывая нынешнее положение дел в сети, можно

* От фран. *flâneur* — праздношатающийся, гуляющий, бродячий.

констатировать, что все они тогда глубоко заблуждались. Киберфланеры на грани вымирания, а их прогулки не вписываются в реалии мира, охваченного социальными сетями и другими коллективными сервисами. Что же пошло не так? И надо ли по этому поводу беспокоиться?

Отвечать на эти вопросы следует с небольшого экскурса в историю фланерства. Благодаря французскому поэту Шарлю Бодлеру и немецкому мыслителю Вальтеру Беньямину, которые видели во фланерстве выражение духа своего времени, «праздное шатание» непременно ассоциируется с Парижем XIX века. Прогуливающийся наблюдатель вальяжно проплывает по городским улицам, навещаясь с особенным удовольствием в пассажи (всегда полные покупателей ряды богато украшенных бутиков, прячущихся под стеклянной кровлей), а сама прогулка совершается ради того, что Оноре де Бальзак называл «гастрономией для глаз».

Фланеры не озадачивались всерьез сохранением анонимности, но все же предпочитали прогуливаться инкогнито. «Искусство, которым они овладевали, состояло в умении вести тайное наблюдение», — заметил как-то польский социолог Зигмунт Бауман. И в то же время фланеры не были асоциальными людьми. Напротив, они нуждались в толпе, но при этом с ней не смешивались, оберегая свою обособленность. Этим они занимались изо дня в день, некоторых даже замечали выгуливающими черепаху.

Фланеры прохаживались по пассажам, но не поддавались потребительским соблазнам. Торговые

ряды для них в первую очередь были источниками богатого чувственного опыта и только затем — храмом потребления. Цель фланера — наблюдать, погружаясь в толпу, воспринимая все ее шумы, хаотичные передвижения, разноликость и космополитизм. Изредка он мог написать об увиденном короткую заметку в газету, рассказывая о себе и мире.

Таким образом, легко заметить, почему мысль о киберфланерстве казалась столь привлекательной на заре интернета. Идея исследовать киберпространство как неизведанные земли, еще не колонизированные государствами и корпорациями, была исполнена романтикой. И этот романтический дух передают названия первых браузеров: *Internet Explorer* («Исследователь интернета»), *Netscape Navigator* («Штурман сетевых просторов»^{*}).

Интернет-сообщества, вроде *GeoCities* и *Tripod*, были настоящими виртуальными пассажирами того времени, выставляющими на свои витрины все самое непредсказуемое и необычное, нисколько не заботясь о спросе или рыночной стоимости. *eBay* тогда был диковинней любого блошиного рынка, и расхаживать среди его виртуальных прилавков было намного приятнее, чем покупать там что бы то ни было. На короткое мгновение в середине 1990-х действительно показалось, что интернет вдруг спровоцировал возрождение фланерства.

Однако те, кто мечтали тогда об интернете как о прибежище для всего великосветского

* Браузер разрабатывался компанией Netscape, название которой включает в себе сочетание слов: net — сеть, и landscape — «пейзаж», «ландшафт».

и гедонистического, наверное, не знали причин исчезновения фланерства как такового.

Во второй половине XIX века Париж переживал стремительные и коренные перемены. Преобразования в архитектуре и обустройстве города под началом барона Османа во время правления Наполеона III были чрезвычайно важными: исчезли средневековые улочки, появились несчетные административные здания, широкие, открытые и прямые бульвары (как из санитарных соображений, так и для усложнения возведения баррикад), всюду зажглись уличные газовые фонари. Все это очень изменило Париж.

Технологические и социальные сдвиги тоже сказали свое слово. Транспорт наводнил улицы, что превратило праздные прогулки в опасное занятие. Пассажи сменились более вместительными и менее элегантными универсальными магазинами. Повсеместная рационализация жизни города превратила фланерство в подпольное увлечение, вынудив многих его подвижников предаться «внутреннему фланерству», вершину которого представляло добровольное отшельничество Марселя Пруста, закрывшегося в своей комнате, обитой пробковым деревом для лучшей звукоизоляции (и жил Пруст, по иронии судьбы, на бульваре Османа).

Нечто подобное произошло и с интернетом. Утратив свою игровую природу, он перестал быть местом для прогулок и превратился в инструмент решения задач. Сложно найти кого-нибудь в наше время, кто просто бродил бы в сети. В мире, где для каждой задачи есть свое приложение и браузер не

нужно открывать вовсе, киберфланерство потеряло былую привлекательность. Вся эта нынешняя суэта вокруг онлайн-торговли (виртуальные подарки, виртуальные питомцы, виртуальные подарки для виртуальных питомцев) тоже не меняет сути дел. Пролистывать сайт *Groupon* вовсе не так увлекательно, как фланировать по пассажи, виртуальному или реальному.

Изменился и ритм жизни современной сети. Еще десять лет назад невозможно было представить «интернет в режиме реального времени», когда каждый твит или пост мгновенно публикуется, редактируется и собирает отклики. Сегодня в Кремниевой долине «в режиме реальном времени» — одно из любимых выражений.

И это неудивительно, потому что люди любят скорость и точность. Но черепашня скорость загрузки страниц старого интернета под тарахтенье модема по-своему зачаровывала, добавляя всему процессу элементы игры и творчества. Подчас такая медлительность могла даже напоминать нам о том, что мы сидим за компьютером. Все это кануло в лету.

Тем временем *Google*, решая задачу «упорядочивания всей в мире информации», точно так же обесценивает посещение отдельных сайтов, как несколько поколений назад рекламный каталог *Sears* — наведывание в магазины. Одним из последних плодов работы компании стала возможность получить ответ на вопрос о погоде, курсе валют или вчерашнем футбольном матче, не заходя на какой-либо сайт. Достаточно ввести вопрос в поисковую

форму, как ответ появится перед результатами поиска.

Вредят ли такие уловки духу конкуренции на рынке поиска информации, как полагают конкуренты *Google* — совершенно иная тема. Всякий, кто мыслит поиск в сети исключительно в технических категориях, воспринимая интернет как машину для выдачи ответов с некоторыми дополнительными функциями, вряд ли способен создать виртуальное пространство для киберфланерства.

И если есть у современного интернета свой барон Осман, так это *Facebook*. Все, чем живо киберфланерство: одиночество и уникальность, анонимность и неопределенность, загадочность и многозначительность, любопытство и готовность рисковать — все это находится под огнем тяжелой артиллерии *Facebook*. И это не просто какая-то компания. С 845 миллионами пользователей именно *Facebook* диктует направление развития интернета.

Легко, конечно, заклеить коммерческий подход *Facebook* (например, исчезновение анонимности в сети позволяет больше зарабатывать на рекламе), но корни проблемы лежат намного глубже. Компания, похоже, убеждена, что причудливые стороны жизни интернета, питающие киберфланерство, должны сойти на нет. «Мы хотим, чтобы все было социальным», — заявила недавно в ток-шоу Чарли Роуза исполнительный директор *Facebook* Шерил Сандберг.

Значение этой фразы попытался пояснить ее начальник Марк Цукерберг в той же телепрограмме. «Что вы выберете: пойти в кино одному или

с друзьями?» — спросил он и сам тут же ответил: «Вы пойдете с друзьями».

Правда в том, что *Facebook* хочет видеть интернет местом, где смотреть фильмы, слушать музыку, читать книги или даже просто бродить по сайтам нужно не просто на глазах у всех, но вместе со всеми. Работая с такими компаниями, как *Spotify* и *Netflix*, компания создаст мощную, но при этом скрытую систему стимулов, которые заставят пользователя принять «социальную» диктатуру, при которой ничто уже нельзя будет сделать в одиночку.

Итак, если Цукерберг действительно верит в то, что сказал по поводу походов в кино, я могу привести длинный список фильмов, которые его друзьям стоит посмотреть. Почему бы не пойти дружной компанией на «Сатанинское танго», семичасовой черно-белый артахусный фильм венгерского мастера авторского кино Бела Тарра? Наверное, потому что друзья Цукерберга или любая другая крупная компания «Сатанинскому танго» предпочтет нечто более развлекательное, вроде «Боевого коня». Не все, наверное, будут рады такому выбору, но по крайней мере никто не будет скучать. Это и есть диктатура социальных отношений.

Кроме того, разве не очевидно, что наслаждение высоким искусством в одиночестве — это совершенно другой опыт, чем коллективное созерцание? И откуда возник такой чудовищный страх одиночества? Сложно представить толпу фланеров, блуждающих по улицам Парижа, будто это какие-то пробы на очередной фильм «Мальчишника в Вегасе». Но Цукербергу, по его собственному признанию в шоу

Чарли Роуза, «намного приятнее ощущать себя связанным с другими людьми. Жизнь кажется более насыщенной».

Именно эта идея о том, что личные переживания тусклее коллективных, стоит за новой страстью *Facebook* под названием «делись без затруднений». Эта концепция предлагает нам думать только о том, чем мы не хотим делиться со своими друзьями — остальным вы делитесь автоматически. Более того, *Facebook* и партнеров своих подталкивает разрабатывать такие приложения, которые бы автоматически публиковали каждый наш шаг, будь то прочитанная статья, прослушанная мелодия или просмотренный видеоролик. Вместе с тем умалчивается, что концепция «делись без затруднений» помогает *Facebook* еще легче отдавать нас в руки рекламодателей, а тем еще легче продавать свои товары и услуги.

Можно было бы с этим смириться, если бы идея Цукерберга обогащала наш опыт онлайн-существования. В конце концов даже фланеры XIX века сталкивались с рекламными плакатами и стендами, встречавшимися на их пути по всему городу. Но, к сожалению, концепция «делись без затруднений» имеет тот же изъян, что и «любительские» стихи без правки — результат часто невыносим. Одно дело найти интересную статью и поделиться ею с друзьями. Но совсем другое — засыпать их всем, что проносится через ваш браузер в надежде, что они смогут выловить из этого потока что-нибудь интересное.

Хуже того: когда концепция заработает в полную силу, мы, вероятно, будем узнавать обо всем

прямо из *Facebook*, не покидая его пределов. Несколько новостных изданий, в том числе *Guardian* и *Washington Post*, уже обзавелись приложениями для *Facebook*, позволяющими пользователям читать статьи, не заходя на сайты самих газет.

Популярный техноблоггер Роберт Скоубл, защищая идею «делись без затруднений», пояснил в одной недавней публикации: «В новом мире будет достаточно открыть *Facebook*, и все, что тебе нужно, уже будет в новостной ленте».

Это убийственная для киберфланерства позиция. Весь смысл исканий фланера заключается именно в незнании того, что его может заинтересовать. Как сказал немецкий писатель Франц Гессель, время от времени выступавший в соавторстве с Вальтером Беньямином: «Для того, чтобы обратиться во фланерство, следует удерживать ум от излишних определенностей». В сравнении с крайне предопределяющей вселенной *Facebook*, даже унылый слоган *Microsoft* из 1990-х «Куда вы хотите пойти сегодня?» звучит воодушевляюще революционно. Кто задаст этот глупый вопрос в эпоху *Facebook*?

По Беньямину, печальная фигура человека, одетого в промоутерский костюм сэндвича — последнее воплощение фланера. В некотором смысле мы все — люди в костюме сэндвича, гуляющие по кибер-улицам *Facebook* и обвешанные невидимой рекламой. Единственное отличие заключается в том, что потреблять рекламируемый продукт в виде песен, книг и фильмов нам все-таки позволено.

Бегущие по лезвию технологий

Отношение скептиков к технологическому процессу может быть разным, но худший вариант — оголтелое пораженчество. Этот взгляд существует столько же, сколько ведутся разговоры о технологиях, и заключается он в том, что единственной возможной реакцией на происходящие изменения с нашей стороны может быть только смирение и приспособление к новым условиям. За это пораженчество нам предстоит дорого поплатиться.

Эксперт в области технологий Кевин Келли описывает эту концепцию следующим образом: «Мы можем выбрать, подстраивать наши законодательные и экономические системы под возможную траекторию технологического развития или нет. Но просто игнорировать прогресс мы не можем». Согласно этой точке зрения, мир устроен так же, как говорилось в девизе Всемирной выставки 1933 года в Чикаго: «Наука открывает, промышленность воплощает, люди приспособляются».

Вполне очевидно, почему стоит избегать подобного технологического пораженчества. Оно призывает нас опустить руки и мешает осознать, какие необходимы изменения и реформы. В результате распространения подобных взглядов происходят

искажения в сознании: опасения перед появляющимися технологиями именуются ретроградными фобиями, неуместной нравственной паникой, которая мгновенно рассеется с выработкой новых стратегий и правил игры. Но разве подобное беспокойство так уж плохо? И всегда ли это оно означает технофобию?

Отличить озабоченность последствиями прогресса и технофобии всегда было очень сложно. Историк Берхард Ригер изучил противоречивое отношение к новым технологиям жителей Великобритании начала XX века и выяснил, что это редко мешало распространению новинок. Более того, Ригер говорит, что «неопределенность следует понимать в качестве неотъемлемого элемента общественных дискуссий в Великобритании, которые в свою очередь обеспечивали среду, благоприятную для инноваций».

По сути, такое неоднозначное отношение, вероятно, было вполне рациональной и здоровой реакцией, потому что обычному дилетанту все необъяснимое в диковинку. Об этом также пишет Ригер: «Противоречие существовало между необходимостью взвешенной оценки появляющихся технологий и отсутствием у людей важных для этого базовых научных познаний или обычного кругозора». Неплохо бы осмыслить это нам и сегодня.

Что же касается нескончаемых заверений о том, что для приспособления к жизни с новыми технологиями нужно лишь немного подождать, то и здесь все намного сложнее. В пользу этой мысли технологические гуру любят приводить следующий

пример (особенно от него в восторге Джефф Джарвис). Повсеместное распространение фотокамер в конце XIX века привело к появлению целого поколения папарацци-любителей (их еще называли «кодакерами») и первую большую дискуссию об исчезновении частной жизни. Спустя несколько десятилетий споры продолжились, но прежние страхи отошли на второй план, потому что все уже привыкли к новому устройству. Общество, как сказал бы Кевин Келли, уловило заданную траекторию развития фотокамер и сообразно ей изменило свое отношение. Ну а если мы проделали это с фотокамерами, то почему не можем с интернетом?

Но что в действительности показывает эта история об умном обществе, которое приняло технологию? Почему это должно служить шаблоном для последующих наших действий? Приспособление — лишь один из возможных вариантов развития событий. В некоторых случаях такая адаптация происходит не как результат осознанного выбора, а всего лишь как следствие тотальной разобщенности. В истории много примеров единой общественной реакции, которая вместе с благоразумной стратегией и определенными рамками избавляла от необходимости подстраиваться под технологические новинки.

Сравните историю с «кодакерами» и антишумовую кампанию начала XX века. Промышленность приходит в города, всюду шум: гремят трамваи, грохочут заводы, а водители гудят клаксонами (и это не считая людей среднего достатка, которые выбивают на улице ковры и играют на пианино по

ночам). Появляются различные общественные движения (с такими названиями, как «Лига борьбы с шумом» и «Немецкая ассоциация защиты от шума»), чтобы дать отпор галдящей опасности. Они неумолимо создавали и продвигали законы, запрещающие те или иные звуки, и вместе с тем изобретали и предлагали обществу бесчисленные «тихие» устройства: беззвучные печатные машинки, мягкие полы, бесшумные электрические двигатели, «глухие» шины, пневматические автодрезины и т.д.

Голландский историк Карин Бийстервелд обратил внимание на то, что в Соединенном Королевстве различные кампании «Лиги борьбы с шумом» привели к тому, что в 1934 году был принят закон о дорожном движении. Он предписывал автолюбителям пользоваться глушителями, запрещал продавать транспортные средства с двигателями, если те производят чрезмерно много шума из-за дефектов или поломок, и ставил вне закона гудок клаксона в промежутке с 23:30 до 7:00 в жилых районах. В Нью-Йорке «Общество противостояния излишнему шуму», добившееся создания «тихих зон» вокруг больниц и школ, провело успешную кампанию в поддержку закона против излишнего корабельного гудения в портах и даже добилось уменьшения фейерверка на День независимости.

Опыт Вены, возможно, самый интересный. Всякий раз, когда защитники «тихого» движения, возглавляемого немецким интеллектуалом Теодором Лессингом, призывали каждого человека в отдельности изменить свою жизнь, они терпели поражение. Однако их борьба не прошла даром. Побуждая

к общественной дискуссии, они сделали тишину ключевым показателем качества жизни и поставили этот вопрос на повестку дня городской администрации. Или, как замечает историк Питер Пайер, «меняя общественное понимание звуковой среды, они своими стараниями повлияли не только на представление о преобразовании городского пространства, но и на само восприятие этого пространства и использование его людьми». И хотя многие предложения Лессинга кажутся экстравагантными (так, он предлагал создать службу выбивальщиков ковров, которые бы работали в специально отведенных местах или, например, настаивал на том, чтобы люди играли на музыкальных инструментах за закрытыми окнами), многие другие его идеи звучат разумно и сегодня. Например, что «следует использовать резиновые шины и дорожное покрытие, чтобы приглушить какофонию движения колесного транспорта; прилежнее размещать груз в вагонах, чтобы он не гремел и не грохотал, когда поезд проходит через город; школы возводить в парках и лесных массивах для обеспечения необходимой для обучения спокойной среды». Лессинг, может, и проиграл, предлагая некоторые меры, но он действительно вдохновлял людей и поддерживал в них реформаторское воображение (не в последнюю очередь потому, что проводил кампании против шума, предаваясь двум другим излюбленным идеям: социализму и феминизму).

Я говорю об этом не затем, чтобы доказать, что будто бы в то время не было пораженчества перед лицом технологий. Тогда многие, как сегодняшние

гуру интернета, возвещали о неотвратимости их последствий, утверждали, что шум неизбежен и жителям Вены надо смириться. Если бы их тогда послушали (что было не так просто, учитывая весь городской шум), то люди бы мирно сдались. Питер Пайер поясняет: «Противники Лессинга критиковали кампанию против шума, считая его самого и его сторонников излишне чувствительными фанатиками, противостоящими прогрессу. Отказ мириться с шумом воспринимался как признак нервной слабости, неспособности приспособиться к жизни в новом мире. Утверждалось, что люди могут привыкнуть к шуму, если только попытаются». Иными словами, надо было под новые условия создать новые стандарты восприятия.

Шум, разумеется, из городов никуда не делся, зато можно представить, какая нас ждала бы жизнь, если бы ни одна из мер, предложенных борцами с шумом, не была принята. Конечно, к чему-то пришлось и приспособиться (жизнь в окружении постоянного шума сделала людей терпимее к нему), но сочетание общих усилий и грамотной политики дало свои плоды. Почему это не может стать примером в дискуссиях вокруг интернета? Почему примером должна служить история с «кодакерами», когда мы говорим о реакциях на проблемы, которые появились с развитием технологий? Ведь если привести другую историческую аналогию (историю кампании по борьбе с шумом), то мы придем к совершенно иным выводам.

Для того чтобы преодолеть технологическое поражение, нужно перестать с придыханием

повторять такие слова, как «технологии» и «интернет». Вместо этого нужно понять и вынести на поверхность какие бы то ни было культурные, интеллектуальные, политические противоречия, которые они привносят в дискуссию о новом. Но перед этим неплохо было бы избавиться от навязанного Кремниевой долиной ореола святости.

Дмитрий Ракин

Зачем читать эту книгу

Трудно сейчас найти более актуального автора, чем Евгений Морозов. После разоблачений Эдварда Сноудена, масштабного усиления цензуры в интернете и тотального поражения движения *Осциру*, «арабской весны» и прочих «*Twitter*-революций» его первую книгу «*The Net Delusion*» можно, не преувеличивая, назвать пророческой. Вторая его работа «*To Save Everything Click Here*» вообще выглядит как дорожная карта грядущих изменений в области «умных» технологий, постепенно захватывающих все большее пространство частной жизни. И, как никакого другого публициста, Морозова следует изучать и читать внимательно, чтобы не попасть в ловушку того или иного стереотипа, которыми окружена сейчас данная тема.

Так, на фоне оголтелой истерии по поводу использования интернета для манипуляции общественным сознанием, Морозова можно ошибочно принять за консерватора и сторонника репрессивных мер в отношении цифрового пространства. Легко можно представить себе, что премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган, добивающийся запрета в этой стране *Twitter*, *Youtube* и *Facebook*, вполне мог бы сослаться на некоторые положения

Морозова, чтобы оправдать свои действия. А обвинения в адрес Агентства национальной безопасности США идеально подходят для выступления очередного борца с иностранными силами влияния в рунете. Однако сам автор был бы категорически против столь избирательного прочтения своих текстов. На самом деле, в его философии одинаково опасным врагом Свободы выступают и *Facebook*, и тираны, закрывающие неудобные им страницы в сети, потому что и те и другие пытаются монополизировать средства производства, с помощью которых осуществляется сбор информации и ее хранение.

Это касается не только очевидных примеров с просмотром писем и сообщений в переписке или постоянной фиксацией местоположения пользователя. Морозов вскрывает те изощренные методы контроля, которые с первого взгляда могут быть не заметны. Например, политика компании *Amazon* в отслеживании прочитанных вами книг и сделанных там отметок ставит перед нами проблемы совершенно уникального характера. Как пишет об этом Морозов, «настоящая опасность кроется в нашем нежелании разбираться в социальных и политических последствиях меркнущего права на анонимное чтение». Он далеко не первый, кто стал тревожиться о таких вещах. Еще двадцать лет назад известный французский историк Жорж Дюби в предисловии к эпохальному компендиуму «История частной жизни» сокрушался: «Не суждено ли промежуточному пространству, сформировавшемуся между работой и домом пространству личного общения, в конце концов зачахнуть окончательно? <...>

Не стоит ли задуматься о том, что уже сейчас нужно предпринимать какие-то шаги по защите личности как таковой, поскольку молниеносный технологический прогресс, разрушая последние оплоты частной жизни, создал такие формы государственного контроля, которые, если не соблюдать осторожность, способны свести понятие личности к номеру в необъятном и ужасающем банке данных?» С тех пор к контролю государственному присоединилась и машина крупных компаний из Силиконовой долины, а их слияние порождает Молоха из худших антиутопий.

Конечно, недоразумением было бы увидеть в Морозове луддита и борца с прогрессом, который призывает выключить интернет и «вернуться к природе». Да, в своих работах он часто высмеивает или показывает с неприглядной стороны те «инновации» (еще одно слово, над которым Евгений часто потешается в своем аккаунте в *Twitter*), которые превозносятся в модных блогах и на конференциях урбанистов. Но он все-таки не ретроград и признает, что «реальный враг не технологии и их развитие, а сложившаяся политическая и экономическая системы — дикое сочетание военно-промышленного комплекса и безраздельно властвующих банков и рекламщиков». Более того, он полагает, что любая попытка перевести описываемые им проблемы в технологическую плоскость — это сознательная тактика по замалчиванию и игнорированию куда более серьезных явлений. Его главная цель — «вернуть в IT-дискурс политику и экономику».

И это можно признать по-настоящему революционным шагом. Человек, который смог бы описать теоретически новую политэкономия информационных технологий — был бы это сам Морозов или кто-то другой — без сомнения, сделал бы самый важный вклад в общественные науки с начала XXI века. Потенциальный политический капитал этой теории огромен: уже есть готовые герои-революционеры вроде Джулиана Ассанжа и Сноудена, массовые последователи в виде сети хакеров «Анонимус», а в число целевого электората входит каждый, у кого есть аккаунт в социальных сетях или почтовый ящик в *Gmail*. Поэтому использовать наработки Морозова и его подходы следует не столько журналистам, пишущим на темы «интернет и общество» (сам Морозов просто ненавидит большинство из них), но экономистам, философам, социологам и активистам политических движений. Если мы не хотим жить в мире победившего киберпессимизма, описанном в британском сериале «Черное зеркало», нам необходимо провести серьезную работу, контуры которой описывает в том числе и Морозов.

Сам он иногда увлекается игрой с читателями или гипотезами, имеющими слишком мало отношения к реальности. В некоторых случаях его оправданно критикуют как «сетевого тролля», например, когда мыслителей, с оптимизмом смотрящих на развитие интернета, он сравнивает с нацистами, нарушая столь любимый во всех сетевых дискуссиях аргумент Годвина. Другой распространенной претензией к Морозову — как и любому оппоненту той или иной магистральной теории — является

Зачем читать эту книгу

то, что он редко предлагает свои варианты критикуемых технологий. Его деконструкция интернета остается пока лишь декларацией добрых намерений без конкретной альтернативной программы.

Однако этого уже достаточно для начала, а излишне резкий тон некоторых обобщений Морозову можно простить за стремление привлечь внимание к проблемам, решение которых уже нельзя откладывать. Конкретные предложения у него тоже есть. Например, в одной из статей он выдвигает идею создания общественной организации по контролю за деятельностью спецслужб и крупных компаний, собирающих информацию о всей нашей деятельности в интернете. В условиях, когда ограничить процесс внедрения технологий в частную жизнь уже слишком сложно, разработка системы сдержек и противовесов в этой сфере будет служить хотя бы каким-то гарантом защиты.

Ценность текстов Морозова еще и в том, что он возвращает дискуссию о технологиях к гуманистическим основам. Его главный пафос приближается к сентенциям Мишеля Фуко о «конце человека»: «Что если разработчики ошибаются, и неудовлетворенность, непоследовательность, неверная память и, возможно, даже верность предубеждениям — это особенности, которые позволяют нам воплощаться в качестве многосложных социальных существ, какими мы и являемся». Прекрасная идея, но вот удастся ли нам ее отстаивать?

Дмитрий Ракин

Интернета не существует*

В какой-то момент стало казаться, что все прогрессивное интеллектуальное сообщество прочно разделилось на два лагеря: кибероптимистов и киберпессимистов. Первые уверены в том, что современные технологии, главным символом которых является свободный и открытый Интернет, спасут мир от глобального потепления, рака и перенаселения одновременно, помогут нам победить всех тиранов и остановить всяческое насилие, чинимое одним человеком в отношении другого. Вторые же мрачно предрекают воплощение в жизнь самых жутких антиутопий из сериала *Black Mirror*, тотальную слежку за каждым, буквальную смену людей роботами и рождение бога-суперкомпьютера из всемирной паутины. И лишь очень немногие пытаются сохранить трезвый взгляд на вещи и успокоить остальных. Они постоянно призывают нас задуматься над тем, есть ли вообще сам предмет спора, требуют четких определений. Спрашивают,

* Данный текст является рецензией на книгу Евгения Морозова «Кликни сюда, чтобы все спасти: безумие технологического солюционизма» (To Save Everything, Click Here: The Folly of Techological Solutionism). Первая публикация: mnenia.ru, 15 апреля 2013 г.

Интернета не существует

например, существует ли этот самый мифический Интернет. И сомневаются в том, действительно ли необратимы произошедшие за последнее десятилетие изменения.

Самым, пожалуй, известным из последних (их еще иногда называют киберреалистами) является писатель и исследователь Евгений Морозов. Родившийся в 1984 году в Белоруссии Морозов очень быстро нашел свое место на Западе в качестве одного из крупнейших специалистов в области исследований интернета и его влияния на общество. Он читал лекции в Стэнфорде и Университете Джорджтауна, ведет специальный блог для авторитетного издания *Foreign Policy*, его материалы печатали в *New York Times*, *Economist*, *Guardian*, *New Scientist*. Морозов умело работает над своим имиджем, не боясь показаться эксцентричным. Он шутит в своем твиттере о том, сколько приложений нужно для того, чтобы вернуть лампочку (сколько же? зависит от конъюнктуры рынка и краудфандинга!), и ведет очень яркие споры со своими многочисленными оппонентами. В недавнем интервью он признается в том, что специально удалил из своего ноутбука *Wi-Fi*, а телефон и прочие гаджеты запирает дома в специальном сейфе, когда хочет сосредоточиться на работе.

Уже первая его книга «Сеть как иллюзия: темная сторона свободного интернета» (*The New Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*) наделала много шума. Посвященная опровержению тезиса о том, что распространение интернета ведет к повсеместной победе демократии и свободы, она вышла

ровно в тот самый момент, когда, казалось, весь мир только и занимался доказательством обратного. Арабская весна, движение *Оссиру*, протестное движение в России — только самый ленивый не отметил связь всех этих событий с развитием социальных сетей. Лишь через два года стало очевидно, что победа народовластия через интернет не просто откладывается. Надвигается реакция, причем именно по указанному Морозовым сценарию.

В своей новой книге «Кликни сюда, чтобы спасти все» (*To Save Everything, Click Here*), изданной в марте этого года и спровоцировавшей горячую полемику в англоязычной прессе, Морозов выходит на более высокий уровень и производит полномасштабную критику господствующей ныне парадигмы солюционизма (от англ. *solution* — решение). Морозов понимает солюционизм как «твердую уверенность в том, что мы живем в уникальное революционное время, когда прошлые истины уже не являются таковыми, во всем происходят фундаментальные изменения, а потребность *fix things* высока, как никогда». Тренды сменяют друг друга с ужасающей быстротой, ни один из модных стартапов не обходится без манифеста с призывом перевернуть мир. Объединенные с помощью твиттера и кикстартера пользователи уже вот-вот запустят свои первые корабли в космос, ну или, по крайней мере, сделают на 3D-принтере макет своего носа. Ключевым компонентом солюционизма Морозов считает интернетоцентризм — веру в мифологический *the Internet* как раз и навсегда сформировавшийся конструктор, дающий нам невиданные ранее

возможности по разрешению всех основных проблем человечества. Интернет становится очередным фетишем, через который объясняют буквально все, а представить мир без Интернета сложнее, чем представить себе конец мира вообще. Но ведь то, что мы обычно подразумеваем под интернетом, есть всего лишь совокупность различных сервисов и источников информации, которые мы — пользователи и программисты — вольны изменять так, как нам это необходимо. Это мы создали интернет для своих целей, а не он нас. Абсурдность ситуации в том, что для доказательства этой тривиальной идеи в наше время приходится писать целые книги.

Другой любимый объект анализа Морозова — всевозможные «умные» (*smart*) приспособления и гаджеты, которые автоматически отслеживают наши действия и регулируют свою работу соответствующим образом. В число таких устройств можно было бы записать и пожарную сигнализацию, однако сейчас основной их характеристикой, которая и вызывает у автора наибольшие опасения, становится постоянное подключение к интернету, а через это — к аккаунтам в наших социальных сетях. Мы уже привыкли к тому, что наши друзья знают, какую музыку мы сейчас слушаем, в каком баре сидим и какие статьи читаем за обедом. Морозов предлагает посмотреть дальше. Электронный чайник, получающий сведения о загруженности электросети и не рекомендуемый вам кипятить воду, если уровень потребления электроэнергии уже достиг пикового для сегодняшнего дня. Кухня,

полностью состоящая из «умной» посуды, которая запрограммирована на тот или иной рецепт и подает вам сигнал, если вы отмеряете излишнее количество ингредиента. Мусорные баки со встроенной видеокамерой, начисляющие вам бонусы, если вы не выбрасываете подлежащий переработке мусор. Пока что все это выглядит милой игрой в получение «лайков» (ведь вся эта информация будет видна у вас на фейсбуке), да и почему бы не воспользоваться помощью автоматических устройств там, где человек по определению никогда не сможет достичь совершенства?

Морозов отвечает на это аргументом, открывающим радикально иной взгляд на мир. Он возвращает нас к тому, что «несовершенство, неопределенность, неясность, беспорядок и возможность заблуждаться, грешить, совершать ошибки: все это составляет человеческую свободу, и всякая попытка искоренить эти недостатки уничтожит и свободу». Это не отвлеченная философская гипотеза, она имеет очень конкретные последствия здесь и сейчас. Так, в медицине давно используются приборы, считывающие основные показатели вашего тела для уточнения диагноза или для постоянного контроля за здоровьем больных людей. Теперь же они могут автоматически выкладывать всю эту информацию в сеть, вести подробный профайл на ваших страницах в соцсетях. Ваша больничная карта становится публичной. Как резонно замечает в связи с этим Морозов, «если я решаю отслеживать и публиковать информацию о своем здоровье, а вы решаете не делать этого, то рано или поздно ваше

решение могут посчитать молчаливым подтверждением того, что вам есть, что скрывать».

Интересно, что критика Морозова, которого иногда по привычке записывают в «компьютерщики», вообще не технологична, она лежит в плоскости социальных наук и политологии. При этом, его политическая философия одинаково далека и от наивного молодежного поп-социализма, когда мы ретвитами уничтожаем капиталистическую систему, и от холодного либертарианства, в рамках которого стартапы становятся залогом личной свободы. По сути, Морозов открыто признается в том, что поддерживает проект модерна, он выступает за «делегирование власти над нами профессионалам, которые готовы делать за нас какую-то часть работы». В век минимального доверия к государству он утверждает, что масса явлений, от французской новой волны в кино 1960-х годов и до самого интернета, просто не сложились бы без достаточного государственного финансирования и управления. Одна из главных целей автора в «*To Save Everything...*» — это попытка ответить на вопрос, «каким образом *iTunes* и *Wikipedia* — ключевые мифологические компоненты Интернета — стали моделью, по которой мы судим о будущем политики».

Восторженные отклики о книге дают Нассим Талеб и Брайан Ино, по числу запросов в гугле Морозов превосходит Жижека, и все это совершенно неудивительно. Морозов — великолепный публицист, он легко цитирует то Вуди Аллена, то Пруста, то Фиделя Кастро, а по объему использованных

Дмитрий Ракин

материалов книга приближается к научной монографии. Учитывая специфику темы, даже раздел «Примечания» превращается в интереснейший гипертекст. Ирония заключается в том, что перевода этой книги на русский язык мы, кажется, дождемся разве что в результате краудсорсинга.

Список статей с указанием места и даты первой публикации:

О дивный совершенный мир

The Perils of Perfection,
New York Times, 3 марта 2013 г.
<http://www.nytimes.com/2013/03/03/opinion/sunday/the-perils-of-perfection.html?pagewanted=all>

Скованные одной целью

Imprisoned by Innovation,
New York Times, 24 марта 2013 г.
<http://www.nytimes.com/2013/03/24/opinion/sunday/morozov-imprisoned-by-innovation.html>

Робот отобрал у меня «Пулитцера»

A Robot Stole My Pulitzer, Slate, 19 марта 2012 г.
http://www.slate.com/articles/technology/future_tense/2012/03/narrative_science_robot_journalists_customized_news_and_the_danger_to_civil_discourse_.html

Прямо по кривой

Finding Our Way in the Modern World,

Wall Street Journal, 24 августа 2012 г.

<http://online.wsj.com/news/articles/SB10000872396390443687504577567083606393996>

Форточка в душу

I Know What Will Cheer You Up,

Slate, 2 декабря 2013 г.

http://www.slate.com/articles/technology/future_tense/2013/12/emotion_detecting_advertising_regulators_aren_t_ready_for_it.html

Народное счастье в закромах секретных служб

Let's Make the NSA's Data Available for Public Us,

Slate, 26 августа 2013 г.

http://www.slate.com/blogs/future_tense/2013/08/26/nsa_s_data_should_be_available_for_public_use.html

Три мгновения технотеневности:
Кремниевая долина против прогресса

Why We Are Allowed to Hate Silicon Valley,
Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11 ноября 2013 г.
<http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/the-internet-ideology-why-we-are-allowed-to-hate-silicon-valley-12658406.html>

Реквием по киберфланерству

The Death of the Cyberflâneur,
New York Times, 4 февраля 2012 г.
http://www.nytimes.com/2012/02/05/opinion/sunday/the-death-of-the-cyberflaneur.html?pagewanted=all&_r=0

Бегущие по лезвию технологий

The Wrong Way to Discuss New Technologies,
Slate, 7 марта 2013 г.
http://www.slate.com/articles/technology/future_tense/2013/03/to_save_everything_click_here_how_to_vanquish_technological_defeatism.html

common place

издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах «**Фаланстер**», «**Kaspar Hauser**», а также заказать с доставкой на сайте www.libroroom.ru

Больше информации о проекте: vk.com/common_place

Евгений Морозов

Техноненависть: как интернет отучил нас думать

В сборнике использованы тексты следующих интернет-изданий: New York Times, Slate, Wall Street Journal, Frankfurter Allgemeine Zeitung, mnenia.ru, rusplt.ru

Рисунок на обложке — Мария Киселева

Верстка — Дарья Калугина

Переводчик, составитель — Влад Гончарук

Редакторы — Сергей Ким, Алина Кораблева

Подписано в печать 14.04.2014

Формат 80×100/32

Заказ № 161

Издательская инициатива «Common place»

commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»

на оборудовании Konica minolta

105066, г. Москва, ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

10% выручки, полученной от продажи этой книги, мы передадим gaskarov.info в помощь политзаключенным.